

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ДРЕВНЕЙ РУСИ**

НАШ КАНДИДАТ
БОЯРИН ДОКУКА

МИХАИЛ ФЁДОРОВ

**ПИАР
ПО-СТАРОРУССКИ**

Новые герои

Михаил Фёдоров
Пиар по-старорусски

«ЭКСМО»

2014

Фёдоров М.

Пиар по-старорусски / М. Фёдоров — «Эксмо», 2014 — (Новые герои)

Владелец крупного питерского пиар-агентства Василий Зубов решил поохотиться на волков. Откуда пиарщику было знать, что приглянувшийся ему серый хищник и не зверь вовсе, а коварный волхв Простомир? И не его ли чарами Василий перенесся в альтернативную Древнюю Русь аккурат к началу предвыборной кампании в Новограде? Неизвестно, чем бы закончилось для Зубова это приключение, если бы не взял его под покровительство боярин Михайло Докука – один из претендентов на должность новоградского Посадника. Пришлось питерскому пиарщику, получившему прозвище Вася Зуб, засучить рукава и приниматься за привычную работу. Уж больно плата высока...

Михаил Фёдоров

Пиар по-старорусски

© Фёдоров М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Ай-яй-яй! Как же это случилось – Василий Николаевич Зубов заблудился! Выехал с друзьями на волчью охоту километров за двести от Питера, во время которой и заблудился – как ребёнок!

Волков в тот год в округе развелось – немерено. Охота на них запрещена, вот и расплодились. Сначала они съели всех местных зайцев, потом лис и даже выгнали из чащи почтенное медвежье семейство. Медведи, понятно, присутствовать на волчьем пиру в качестве закуски не пожелали, но и соседство серых разбойников показалось им слишком обременительным. Озираясь на волчью стаю, медведи отступили. Напасть волки не решились. Только один молодой, глупый, а потому очень смелый волчонок кинулся на младшего Топтыгина и вцепился ему в лохматый бок. За что тут же и поплатился: младший Мишка, не говоря худого слова, так цапнул его когтистой лапой, что тот откатился в кусты с разодранным брюхом, приобретая, таким образом, немного жизненного опыта. А он, увы-увы, очень часто бывает слишком болезненным. Больше желающих атаковать не нашлось. Медведи ушли, и волки остались полными хозяевами в местных лесах. А так как всю живность в округе они уже съели, только и оставалось, что нападать на деревенских овец да собак.

Деревенским мужикам тоже, естественно, не понравилось, что серые режут скотину, и они стали требовать от властей разрешить отстрел обнаглевших бандитов. Власти разрешили, и даже объявили, что в большой охоте могут принять участие все желающие – добывать разрешалось по одному зверю на ружьё. Ружей понаехало – едва ли не больше, чем волков! Даже издалека, из Питера, прикатили. Ну, деревенские обрадовались, всех разместили без обиды, а ночью егера обнесли лес флажками и утроем началось...

Василий Николаевич Зубов был создателем, хозяином и генератором идей рекламного агентства «Дебри пиара». Начав ещё в далёкие 90-е, он сначала писал рекламные материалы для производителей печенья и творожных сырков, но быстро пошёл в гору, так как обладал огромной работоспособностью и креативным мышлением. От рекламных статей, прославляющих достоинство лапши быстрого приготовления или молочных продуктов местного производства, он быстро перешёл к предвыборному пиару, который оказался куда более доходным занятием. Именно он придумал ставший впоследствии популярным приём, когда рекламные предвыборные листовки печатаются от имени оппонента своего заказчика огромным тиражом, после чего разбрасываются по городу и валяются в подъездах, магазинах, на рынках и улицах, превращаясь под дождём в бумажную кашу и вызывая у дворников приступы вдохновения на почве матерного словотворчества. И у остальной «электоральной массы» – тоже. Ну и текст такой листовки (с крупным портретом, разумеется) был соответствующим ситуации – «выбери меня, я знаю, как накормить страну!». Или что-то в этом роде. Или другой пример его изобретательности – на региональных выборах в богатом сибирском мегаполисе Василий Николаевич нанял за смешную в общем-то плату местного скандального лидера движения «Голубая Сибирь». И тот в интервью телевидению заявил, что действующий губернатор (противник Васиного заказчика) – прекрасный человек, по-европейски образован, мил и по-европейски же толерантен, в том числе и по отношению к секс-меньшинствам. Кондовые сибиряки сначала не поняли, что означает незнакомое слово «толерантен». После осознания же, что толерантность значит всего-навсего – терпимость, разразились потоками нецензурного негодования, а за резиденцией губернатора прочно закрепилось наименование «дом терпимости», или просто

«голубой дом». После этого рейтинг губернатора упал, как выразился один из местных журналистов, «ниже плинтуса», а Васин заказчик выиграл выборы. Много чего придумал Василий Николаевич Зубов, завоевав славу и расположение богатых клиентов. Большинство его выдумок даже вошло в сборник «Шедевры чёрного пиара», который выпустило одно никому не ведомое издательство. К созданию коего, кстати говоря, приложил руку и кошелёк именно Василий Николаевич, дабы от якобы чужого имени рекламировать свои успехи. Вот такой он был хитрец. Как сказал один доктор медицины после прохождения Василием Николаевичем одного модного психологического теста (пряча в карман приятно шелестящий гонорар):

– Коэффициент адаптации у вас, батенька, зашкаливает за девяносто процентов. Это очень много. Вы легко воспринимаете всё новое, усваиваете его и пытаетесь извлечь из этого пользу. Проще говоря, вы с одинаковой лёгкостью сможете носить как смокинг дипломата, так и арестантскую робу. Не в смысле – сия чаша вас не минует, а в смысле, что и в том и в том обществе вы с большой степенью вероятности будете пользоваться авторитетом, а то и достигнете командных высот. Ну, или бездны падения – это уж как посмотреть, вопрос терминологии. Надо лишь работать над собой.

Болтливый доктор медицины долго объяснял Василию Николаевичу премудрости науки психологии, но тот не слушал, уяснив для себя главное – у него большие шансы выпутаться из разных неприятностей, какими бы страшными они ни казались. Включай мозги, напрягай волю – и вперёд, нет таких крепостей, каких бы он не смог взять!!!

Охота проходила по плану. Подкопаться под флажки волки не догадались. Егеря расставили стрелков по местам, загонщики вышли на другую сторону леса вовремя. И – вперёд. Деваться серым некуда. Вот и Василий Николаевич Зубов тоже стоял на своём месте с заграничной винтовочкой в руках, подарком американского своего знакомого. Хорошая винтовочка, настоящий «винчестер» самого что ни на есть нездешнего производства. Американец, чрезвычайно гордясь продукцией отечественной оружейной промышленности, заявил, что винтовка настолько мощная, что с ней можно охотиться хоть на динозавров, а точность боя такова, что можно на легу отстрелить «боллз» даже комару... Как показала практика, американец натурально заблуждался относительно непогрешимости своих инженеров и рабочих. «Винчестер» – оружие, конечно, хорошее, но Вася скоро убедился, что в жизни не всё так просто, а косорукие рабочие и кривоглазые работники ОТК (или как там за океаном они называются?) есть везде...

Загонщики сработали хорошо, выгнали волков прямо на охотников. Василий Николаевич слышал их крики (загонщиков, конечно, а не волков) вот уже совсем рядом. Опаньки! Вон и серый бок мелькнул в кустах. Волк ещё не заметил охотника и находился на удобной для стрелка позиции. Охотник привычно вскинул ружьё. Волк рядом, промахнуться невозможно. Выстрел! Что такое? Волк только оглянулся, клацнул зубами и ринулся куда-то в сторону. Вот позорище!!! Лишь бы не увидел никто – промахнуться из такого выгодного положения... Надо бы этого серого всё же подстрелить, он должен ответить за то, что Василий Николаевич промахнулся!!! Незадачливый стрелок ринулся за зверем, бежать хищнику было трудно – густой подлесок мешал ему показать всю свою прыть.

Василий Николаевич всеми своими девяносто пятью килограммами вломился в молодую поросль осины и шиповника, словно слон в мангровый лес в погоне за слонихой в сезон случки. Как бы то ни было, но серому нельзя дать уйти! Взыграло и уязвлённое самолюбие, да и, чего греха таить, представлял уже себе Василий Николаевич, ой представлял, как роскошно будет смотреться мохнатая волчья шкура на стене или, нет, лучше – перед камином! И с какой великолепной небрежностью можно отвечать на восхищённые вопросы (да что там вопросы – просто на восхищённые взгляды) знакомых барышень:

– А, этот волк? Это ещё не очень большой экземпляр. Пусть полежит пока. Думаю вот съездить к моему другу на Аляску – поохотиться на тамошних белых волков. Они раза в полтора крупнее наших... Добуду такого – и шкуру поменяю...

Но пока белые волки из американского штата Аляска могли спать спокойно: Василий Николаевич Зубов не мог подстрелить даже самого обычного серого европейского волка, близкого родственника того, кто скушал в своё время Красную Шапочку с бабушкой, семерых козлят и пытался сожрать трёх поросят.

Василию Николаевичу сейчас было не до этого, сейчас он пробирался сквозь бурелом, пытаясь догнать мелькавшего где-то совсем недалеко хищника. Уже и крики загонщиков не слышны, уже и соседи-охотники неизвестно где остались, а он всё шёл через густую поросль. Волк трещал ветками где-то неподалёку, пару раз показавшись Васе на глаза, но, как назло, в неудобном для стрельбы положении. Всё, что он успел заметить, – обгорелый бок. Наверное, серый подпалил его на лесном пожаре, где же ещё?

Внезапно что-то заухало, засвистело, захохотало, и – ух – земли нет под ногами, и вот он уже, выпустив из рук ружьё, пытается выбраться из бочага – маленького лесного болотца, внезапно выступившего из лесной чащи. Минут десять он барахтался, пока не выбрался на берег. Ружьё, конечно же, утопил, жаль. И сам изгваздался, словно пьянчужка на городской свалке. И, самое нехорошее, непонятно, куда идти. Лес во все стороны одинаковый, откуда пришёл – непонятно, даже сломанных кустов не видно, чтобы определить, как шёл... А тут ещё смеркаться стало, и есть нечего, и даже спичек нет – в общем, целый букет ништяков.

И тут оказалось, что не напрасно, ой как не напрасно присваивает учёные степени Высшая аттестационная комиссия!!! И к Василию Николаевичу это имело самое непосредственное отношение. Проще говоря, тот пожилой и любящий гонорары доктор каких-то там медицинских наук, который определил, что величина Васиного коэффициента адаптации зашкаливает за девяносто процентов, был прав, ой как прав! Посему терпящий бедствие горе-охотник не стал метаться в сумерках в поиске обратного пути, что, собственно говоря, в данной ситуации было бесполезно. И тем более впадать в панику и биться в рыданиях (что было бесполезно в абсолютной степени), а совершенно в духе героев русских народных сказок рассудил, что утро вечера мудренее. Отжал, насколько это было возможно, мокрую одежду, нарвал елового лапника на подстилку, им же укрылся и заснул, благо ночь была не очень холодной – хоть в этом ему повезло...

Наутро Василий Николаевич, порывшись в памяти, нарыл там полузабытые сведения из читанных в детстве книжек «про индейцев». Сведения сии гласили, что для того, чтобы выбраться из лесных дебрей, нужно найти ручеёк и пойти вниз по его течению. Маленький ручеёк впадает в большой, большой ручей – в маленькую речку, маленькая речка – в большую реку, а на большой реке всегда есть люди... Применив теоретические знания на практике, Василий Николаевич нашёл ручеёк и пошёл вниз по течению. Вскоре его знания о лесных ручейках расширились, так как он узнал, что они могут впадать не только в большие ручьи или маленькие речки, но и в болота...

Василий Николаевич побрёл наугад. Насколько он помнил, за волком он вчера побежал навстречу солнцу. Значит, возвращаться сейчас надо было на запад. Авось да выведут его чутьё да удача если и не к человеческому жилью, то, худо-бедно, хотя бы на какую-нибудь дорогу. Ведь должны же быть здесь дороги, чёрт побери! Чай, не Такла-Макан какая-нибудь и не Занзибар, где, как известно, водятся одни лишь злые крокодилы.

Но дорога всё не попадалась и не попадалась. Василий Николаевич старался строго придерживаться западного направления, не смотря – лес, овраг или поляна на пути. В конце концов забрёл он в совсем уж непролазную чащу. Вокруг – столетние ели, густой шиповник. Вон – даже куртку изорвал.

В ближайших кустах послышался шорох. Василий Николаевич насторожился. Из кустов вышел волк. Василий Николаевич готов был поклясться – тот самый! Вон – обгорелым боком повернулся! Как будто для того, чтобы Вася его узнал. Потом глянул и даже – честное слово – улыбнулся! Ну, или оскалился так добродушно, что это было похоже на улыбку. А потом... подмигнул! И прыг – обратно в кусты! Как будто пришёл, проверил – на месте ли подопечный – и пошёл по своим делам. Чудеса! За ним, что ли, пойти? Да нет, волка уже не видно, даже треска веток или шелеста травы не слышно... Как испарился, сердешный! Что ж, мы будем искать другую дорогу. И Василий Николаевич пошёл в прежнем направлении.

Впереди замаячило что-то высокое и массивное, по своему виду явно не вписывающееся в лесной пейзаж. Василий Николаевич с трудом пробрался через густой кустарник и вышел на небольшую полянку. И раскрыл от удивления рот. Посреди поляны стоял огромный – метра четыре в высоту и почти метр в обхвате – столб, вкопанный в землю. На столбе чьи-то не шибко умелые ручки грубо выстрогали лицо с окладистой бородой и сурово сдвинутыми бровями. На верхушке – колпак, а по бокам – высечено что-то вроде рук, причём в правой было заметно какое-то оружие: то ли меч, то ли палица. А может, просто дубина. И хотя обработка бревна была грубой, неведомый ваятель несомненно обладал даром скульптора. Идол получился грозным и величественным. И, судя по плотности древесины, это была не сосна, а что-то более тяжёлое и прочное. Скорее всего – дуб. Но чёрт возьми! Дубы нигде в округе не растут! Этого идола откуда-то и неизвестно для чего сюда притащили! Кто они – эти неведомые идолопоклонники? Неужели такие ещё остались? Или это мода такая пошла?

Обуреваемый сумбурными мыслями, Василий Николаевич обошёл вокруг истукана. У его основания валялись куски ткани, несколько обгрызенных костей неизвестного животного и стоял настоящий берестяной туесок с какой-то жидкостью. В ней плавали три клюквинки. Стало быть, недавно стоит... В растерянности почесав затылок (от такой находки растеряешься!), Василий Николаевич решил сделать окончательный вывод по поводу своего нечаянного путешествия по лесам попозже, когда выберется в город. А пока что надо искать дорогу. И он пошёл дальше.

Внезапно он почувствовал какой-то неземной аромат. Наверное, именно так должна пахнуть пища богов – мелькнуло в голове. Как там её – амброзия, нектар, прасад? Впрочем, скоро он понял, что так пахнет свежесваренная уха. И впрямь – к запаху ухи добавился запах дыма, а где-то недалеко зазвучали голоса.

С трудом проломившись сквозь густой кустарник, Василий Николаевич вышел к речке (знать, не так уж и врут старые книжки!). На противоположном берегу и чуток ниже по течению сидели четверо мужиков и варили на костре уху. Справедливо рассудив, что сюда ему никто ухи не принесёт, Вася скинул одежду и переплыл речку, держа вещи над головой, чтобы не замочить. На том берегу оделся и направился к мужикам – не оставят же они его в беде!

Компания, как сразу разглядел Василий Николаевич, ему попаласть престранная: мужики все как на подбор – рослые, крепкие. Как сборная штангистов-тяжеловесов. И одеты как-то очень уж по-деревенски, подчёркнуто по-деревенски: простые холщовые штаны, рубахи навыпуск. Что это под кустом валяется? Ни хрена себе – настоящий лук со стрелами!!! Кино, что ли, снимают?

Мужики заметили Васю, когда он подошёл поближе. Один встал (здоровенный, как танк, и, наверное, такой же сильный), уставился на гостя:

– Ну что, побегал? Пора и честь знать. Божью обитель строить надо.

И тут же быстрым и сильным ударом в ухо свалил ошарашенного Василия Николаевича на траву. Пока тот, оглушённый, валялся, словно мешок, подошёл второй из мужиков, чуть меньше первого, но тоже очень большой. Вдвоём они сноровисто связали Васю руки (сразу видно, делали это много и часто), пинками подняли и пинками же заставили идти. Привязали его к дереву – наподобие коровы на выпасе – и уселись доедать уху. Пленнику поесть, конечно

же, не предложили. Поев, быстренько залили костёр, а Васю, ни капли не церемонясь, взяли за руки и ноги и, раскачав, закинули в лодку, которая стояла тут же у берега.

В голове избитого, униженного и оскорблённого Василия Николаевича Зубова, гения пиара, человека, вхожего к сильным мира сего, клубились нехорошие мысли. Он обдумывал, как накажет обнаглевшую деревенщину, когда доберётся до Питера. Надо будет позвонить одному своему доброму знакомому, хорошо известному в определённых кругах. На хлеб себе этот знакомый зарабатывал, как он сам любил говорить, с помощью «ликвидации дебиторской задолженности». А бойцы его – виртуозы утюга и паяльника (не в том смысле, чтобы что-то погладить или запаять, а совсем в другом), а также в самых разнообразных видах различных единоборств, готовы были выполнить приказ своего шефа быстро и чётко, причём в любое время суток...

Но не прав, ох как не прав был Василий Николаевич! Ничем ему сейчас не смогли бы помочь ни знакомый бандит, ни высокопоставленные чиновники или офицеры спецслужб. Никто. Отныне полагаться ему надо было только на свои девяносто процентов коэффициента адаптации. Только на них, и ни на что больше!!!

Лодка между тем шла вниз по течению. Двое гребли, течение было быстрым, и примерно через час причалили к берегу. Васю выгрузили из лодки тем же неприятным способом, что и загрузили в неё.

Метрах в ста от берега стоял деревянный двухэтажный терем. Именно – терем. Слово «дом» к нему не подходило ну никак. «Декорация, фильм снимают», – снова мелькнула у Васи в голове мысль. Сознание никак не хотело принимать новую реальность и цеплялось за привычное. А в нём, в привычном-то, таких вот теремов не бывало. Разве что в Кижях. Но здесь же не Кижь. Да и мужички ведут себя совсем не как нынешние деревенские обыватели. «Да, – мелькнула вторая мысль, – не бывает сейчас таких теремов, не строят их. Не нужны просто. А что не декорация это – видно сразу. Декорации все, как правило, свеженькие, красивые, брёвна желтеют свежееободранными боками. А ведь два-три года – и от желтизны не останется и следа. Темнеет древесина под открытым небом, ой как быстро темнеет. Вот и этот терем – сразу видно, что не вчера построен. И не позавчера. И не позапозавчера. Давно построен. Лет тридцать назад – самое малое. А кому бы в то время надо было строить здесь терем и все эти годы за ним смотреть? Вот и думай, Вася, думай. Привыкай, что в действительности всё совсем не так, как на самом деле. Такой вот воплощённый афоризм. Включай, Вася, свои девяносто процентов».

Пока Василий Николаевич предавался этим размышлениям, его провели в терем, где, как и следовало ожидать, всё было сделано в духе седой старины – и лавки, и столы, и стены, и посуда. Абсолютно всё. Не было здесь электричества и алюминия, синтетики и двигателей внутреннего сгорания, генетически модифицированных продуктов и корнеплода по имени картошка. Здесь много чего не было, в этом мире. Но зато здесь был высокий и могучий старик в непривычной глазу одежде – малиновой, расшитой золотыми петухами рубахе, бархатных штанах и сапогах с загнутыми носками – ну прям как с картинки из старой русской жизни. И с внимательным взглядом из-под косматых бровей. Сидел он на красивом резном стуле, выточенном из цельного массива дуба. Впрочем, сказать «старик» было бы не совсем верно. Ничего старческого, немощного в его облике не было. Мощный, умный и властный – эти эпитеты подошли бы к нему больше всего. «Главный здесь» – подумал Вася, не кланяясь, но и не задирая нос.

Хозяин дома некоторое время сидел, пристально разглядывая Васю, словно изучал. Заговорил он первым.

– Вижу, не здешний ты. Одежда на тебе чужая, да и чину не знаешь, ведёшь себя не по нашему. Опять же меня не знаешь, сразу в ноги не бухнулся. А меня здесь все знают.

Помолчал ещё немного. Потом усмехнулся.

– Ну что, мил-человек, рассказывай, кто ты и откуда. Чем дышишь и чего ищешь.

Не просто, ох как не просто было Васе рассказывать этому человеку свою историю. В самом деле, как и что мог он объяснить средневековому (в чём уже не осталось сомнений) русичу из того, каким образом он здесь очутился? Начнёшь говорить о перемещении во времени – не поймёт просто. Хозяин дома подстегнул его:

– Да ты не молчи, рассказывай. А то ведь ребят моих кликну, не то что заговоришь, запоёшь, как соловей в мае. А, может, и вправду тебя на Соловки отправить – божью обитель строить? А то работа там аховая, мрут людишки-то, словно мухи осенние.

При слове «Соловки» Васю аж передёрнуло, и он решился:

– Видишь ли, хозяин (ах как естественно вырвалось это слово!), я из другого времени, не ваш я.

Хозяин дома перебил его, не выказав никакого удивления:

– Я уже догадался. Это сразу видно. Встарь один аглицкий немец, Рожа Быков кличут, может, слышал? – писал о таком. Его ещё за это тамошние попы в острог сажали. Да здоровый мужичок оказался, выдюжил. Потом ещё много пользы принёс. Знающий человек был, учёный. Уважаю.

Вася слегка обомлел от столь вольной адаптации имени знаменитого английского философа и учёного Роджера Бэкона к старорусской жизни, но виду не показал. Вызывала удивление и общая эрудиция хозяина дома. Никакого «культурного шока» при известии о пришельце из дней грядущих, ни-че-го... Вася рассказал о себе всё – и о том, каким трудом приходилось зарабатывать на хлеб с маслом (да что там стесняться – на хлеб с маслом и с чёрной икрой), и о том, как он здесь очутился. Хотя, собственно говоря, как он здесь очутился, Вася и сам не понял: погнался за волком, провалился в болото, заблудился в лесу, а потом – бац – получил в ухо и теперь вот стоит здесь, пред ваши светлые очи, хозяин...

Хозяин внимательно всё выслушал и сказал:

– Так, говоришь, мастер ты народные бунты вызывать или умирять? Это хорошо. Такие люди мне нужны. К делу тебя пристрою, сыт будешь и нос в сметане... Только служи верно, смотри. А то знаешь... Кличут меня Михайло Докука. А Докука – это потому что докучаю людям своими вопросами да делами. И видишь ли, никто мне не отказывает и хворью не отговаривается. А теперь ступай, скажи дворне, пусть тебя пристроят в лучшую светёлку, одежонку дадут чистую – твоя-то совсем оборвалась, а завтра говорить будем, скажу, что мне от тебя надо... а звать тебя теперь будут не Василий Николаевич Зубов – чести много, а Вася Зуб. Ступай.

Наутро дюжий детина, один из тех, кого Вася повстречал на берегу реки, бесцеремонно растолкал его и заявил, что Михайло Докука требует его к себе...

Василий Николаевич, новоиспечённый Вася Зуб, благоразумно решил не тянуть с появлением пред своим грозным хозяином. Одет тот на этот раз был попроще, в простую холщовую одежду, только сапоги оставил прежние – вычурные.

– Думал я тут, Вася, как лучше тебя использовать, и вот что решил, – не здороваясь, начал Докука, – главный город в нашей земле – Новоград, есть ещё несколько поменьше, но они пойдут за Новоградом, о них речи не будет. И Новоград – город вольный, князей мы приглашаем, когда в них нужда есть – ну, там от врагов отбиться или самим кого пограбить. Как приглашаем, так и выгоняем, это у нас просто. А правит Господином Великим Новоградом в простое время посадник, и кому быть посадником, решает Вече Новоградское. Кого народ на Вече крикнет – тому и быть посадником. Но кричать там могут не все. Только свободные и никогда в кабале не бывшие. Ещё голь всякую мы на Вече не пускаем, только крепких хозяев, а крепких хозяев в Новограде почитай все, кроме ушкуйников-горлопанов да бездельников-лодырей. Ушкуйники живут в Ушкуйной слободе, за городом, как их к делу приспособить – решим потом. Народец

они смутный, беспокойный, живут разбоем, но в лихое время от них большая польза, потому что в битве лучше них никого нету. Если б захотели – в один день Новоград разграбили бы, но понимают, что без Новограда защиты у них не будет – разбредутся кто куда да сгинут совсем. А тут – где они городу подсобят, где город им – беспокойно, а живём, и всем хорошо... Скоро на Вече посадника кричать будут. Старый-то посадник умер давеча, болел очень, сейчас без власти живём, смута может быть, а смута – это и нам, боярам, и посадским – одна беда. В посадники метят трое. Один – думный боярин Аскольд Белозёрский. Богатый очень и алчет многого. Торговля у него большая с Ганзой, в Любеке и Гамбурге много лавок держит, думает под немцев уйти. И Новоград хочет немцам отдать. Не понимает, что русскому человеку под латинян-еретиков – нельзя. Онемечат, сожрут, и не станет русского человека. Но много есть у него сторонников в Новограде – такие же, как он, кто на заход смотрит и мнит большую выгоду с немецкой земли поиметь, а за это готов даже веру свою продать. Поддерживают его ганзейцы, готовы даже деньгами его ссудить, лишь бы он всё по их делал. И не только ганзейцы...

Докука остановился, чтобы хлебнуть квасу из жбана в углу, и продолжил:

– Второй – Филипп Соловей. Богатый купчина. Этот – злейший враг Аскольда. Хочет он от всего мира отгородиться и жить старым укладом. Мол, мы – самостийники, сами с усами и всех победим. Человек, как я думаю, недалёкий, но хитрый и ушлый. На будущее думать не может или не хочет, а вот что касасемо сиюминутной выгоды – за то у него тыковка неплохо работает, и многие бояре по его думают. Да и люд новоградский за ним идёт. Не все, но многие. Боятся людишки перемен, хотят как встарь жить, а по-старому нельзя, время не то. Перемены нужны, без них – смерть. Растащат, разорвут землю Новоградскую. Ляхи, литовцы, ливонцы, шведы – волков вокруг много. Биться с ними можно только сообща. Но немногие пока это понимают. Вот я и хочу, когда стану посадником, объединить все русские земли. Если надо – даже под московского царя пойти...

Вася сидел, как на армейской политинформации, позёвывая. Работа на попроще связей с общественностью выработала у него ироничное отношение к напыщенно-пафосным построениям, коими так богата предвыборная политическая риторика. Вместе с тем он прекрасно понимал, что «пипл хаваает» эту мишуру в основном вполне серьёзно, и научился ни словом, ни жестом, ни движением бровей не показывать своего к ней отношения. А Докука между тем продолжал витийствовать:

– Суров он, но веры православной, своих купцов да мастеровых не обижает, да и врагов бьёт изрядно. И стать посадником поможешь мне ты. Сумеешь – ни в чём тебе отказа не будет. Не сумеешь – ну что ж, не повезло тебе...

Тут Михайло Докука замолчал, а Вася Зуб подумал – насколько же сильно ему не повезёт в случае поражения Докуки на выборах посадника. Что тут сейчас в моде – сажание на кол, заливание в горло расплавленного свинца или зашивание в медвежью шкуру с последующим затравливанием собаками? А может, что-то ещё более «прелестное» из того, о чём историки умолчали или что им попросту неизвестно? Всё это было для Василия Николаевича Зубова одинаково неприемлемо. Да-а-а-а, надо срочно включать на полную мощность свои девяносто процентов...

– Ты, Вася, осваивайся пока. Если куда надо съездить – говори, сделаем. В помощь тебе будут двое из моей дворни. Люди они надёжные, каждый в своём ремесле – дока. Будут тебе помогать, объяснять. Защищать. Ну и присмотрят, чтобы ты не сбежал. Хотя не сбежишь, некуда тебе бежать. Если всё же сбежишь, дальше Аскольда или Филиппа никуда не денешься. А они не такие добрые да радушные, как я, ох не такие. Ладно, ступай пока...

Первым из помощников оказался дворовый человек Федя по прозвищу Пасть Порву. Росту он был – как самый высокий баскетболист, а в ширину – как три баскетболиста, поставленные рядом. Весу в нём было, пожалуй, под два центнера, как на глаз определил Вася

Зуб. При этом – ни грамма жира. Два центнера стальных мышц и безграничная преданность Михайле Докуке – вот что такое был Федя Пасть Порву. Воспитывался при дворе с младенческих лет, когда отец его, дровосек, погиб в лесу, придавленный лесиной, а мать умерла ещё при родах. Докуку почитал не то что как родного отца, молиться на него готов был как на бога. Выгоды своей ни в чём не искал, а учитывая общую лёгкую тупость Феде, можно было с уверенностью сказать, что на предательство такой человек не способен и, если надо, выполнит любое приказание хозяина. Прозвище своё получил он за постоянную приговорку – «пасть порву», хотя, в сущности, человек он был добродушный, как многие сильные люди. На медведя он ходил даже без рогатины. Встретив в лесу Топтыгина, просто дружески обнимал его, ломая кости. Когда он в базарный день выходил биться на кулаках, желающих находилось мало. Победить его никто и не тщился, предметом спора было – кто дольше против Феде выстоит. Что, впрочем, тоже было лишь досужим спором. Стоило Феде попасть кулаком хотя бы один раз – выстоять не мог никто. А если какой-нибудь очень искусный боец задевал Феде всерьёз, тот, разъярясь, начинал бить, нет, не в полную силу и даже не вполсилы, а так... в треть или даже в четверть силы. И легко мог зашибить до смерти. Не со злобы, а по недоразумению... Даже ушкуйники – на что уж отчаянные оторвы – предпочитали с Федей не спорить.

Как-то раз один цыган, в летнее время водивший учёного медведя по ярмаркам и заставлявший его плясать под балалайку, решил по осени своего лохматого артиста, чтобы не нести убытки (мишка собирался ложиться в спячку), забить и шкуру продать. Умирать медведь активно не желал и невзначай сломал цыгану руку. Тот обратился к судье, дабы казнить животное по приговору суда (с выдачей шкуры пострадавшему). Федя, узнав о таком чудном суде, собрался уже было цыгана прибить, но тот, несмотря на сломанную руку, показал завидную прыть, благодаря в душе своего цыганского бога, что мишка сломал ему всего лишь руку, а не ногу. Медведя, пережившего такой стресс и едва не ставшего жертвой судебного произвола, Федя откормил и отправил в лес ложиться в спячку, объяснив ему при этом, чтобы летом ему не попадался... Вот такой был Федя человек.

Второго из дворовых людей, кого приставили к Васе, звали Кирилл, а откуда у него такое чудное прозвище – Упал Отжался – Вася Зуб узнал во время поездки в ушкуйную слободу, в которой его сопровождали и Кирилл (попросту Киря), и Федя. В сущности, никакой особой нужды ехать к ушкуйникам не было, но Вася, имея по истории России твёрдую и честно заработанную школьную «пятёрку», решил лично взглянуть на этот буйный народ, державший в напряжении весь Север, а в довесок ещё Поволжье и запад Сибири – авось пригодится в деле. Да не наверное, а точно пригодится. Сила никогда лишней не бывает. Сборы в поездку были недолги, но от внимания дворни не ускользнули. Ехать решили с утра, чтобы к вечеру вернуться обратно – ночёвку ценного специалиста на чужой территории Докука запретил. Ехали на лошадях: Федя с Кирей на резвых скакунах, а Васе, как несведущему в конном деле, подобрали старенькую смирную лошадку.

Дорога была широкой и шла в основном через лес, не очень густой. Только в одном месте она сужалась так, что ехать можно было только по одному, в затылок друг другу. По краям рос густой кустарник, пробраться через который было довольно сложно. Вот на этой узкой тропинке и подкараулили троицу злые вороги. Ехавший впереди здоровяк Федя получил по лбу здоровенной дубиной и, не успев даже ойкнуть, мешком свалился с коня. Тут же из кустов спереди и сзади всадников вышло десятка полтора крепких мужичков. Вооружены были – у кого ножики, у кого – кистени, у кого – ещё какое-то разбойничье непотребство. Оглушив Феде, нападавшие посчитали дело сделанным, и старший из них – среднего роста жилистый мужичонка средних же лет, без оружия и с цепким взглядом – спокойно заявил:

– Ну что, человечки, слезай с лошадок. Дальше мы вас поведём.

«Кранты, – подумал Василий Николаевич Зубов, – у меня, кажется, смена хозяина сейчас будет...»

Но второй его спутник, Киря Упал Отжался, так не считал. Он насмешливо глянул на разбойничков, три раза плюнул налево, потом махнул в воздухе собранными в пучок пальцами правой руки, нарисовав что-то вроде «знака Зорро», и пробормотал при этом себе под нос нечто хотя и непонятное, но очень грозное. Где-то вверху громыхнуло, сверкнуло, потом запахло озоном, как после грозы. А Киря из тщедушного человека превратился, казалось, в великана.

– Ну вы, душары, – громовым голосом заревел он, – а ну, упали, отжались!!!

Мужики сначала оцепенели, потом глаза их стали стеклянными, а оружие вывалилось из рук. Сначала один, а потом и остальные действительно упали и стали отжиматься, словно неопытные солдаты на курсе молодого бойца. Последним плюхнулся на усыпанную рыжими иголками землю гварь и тоже стал отжиматься.

– Салабоны, на кого хлеборезку раскрыли, – продолжал бесноваться Киря, – да вы ещё маминными пирожками какаете! Делай – раз!!!

Лес наполнился пыхтением и жалобными стонами:

– Не могу больше...

– Командир, мы же не железные...

– Делай – два! – Не унимался Киря.

– Мы больше не будем...

Так продолжалось минут пять. Потом пыхтение и стоны постепенно затихли и неудавшиеся разбойнички, казалось, потеряли сознание. Киря удовлетворённо усмехнулся, потом помог подняться почти пришедшему в себя Феде, и троица продолжила путь. Забраться на коня Федя пока не мог и шёл рядом, держась за узду. Киря и Вася ехали следом.

– Слышь, Васёк, – сказал Киря, – напали-то на нас не простые разбойнички. Главным-то у них – Андрюшка Хрен – ушлый чёрт. В бою с ним обычному человеку тяжело. Кистенём работает – как жид на скрипочке пиликает. Мастер! Ну, мне-то не страшно, я ведь не простой, а ты берегись, если что... Он старший тиун у боярина Аскольда.

И замолчал. Про то, как справился с нападавшими, говорить он, похоже, не собирался.

Вася недоумённо и заинтересованно посматривал на Кирию, не решаясь задавать вопросы человеку с такими невероятными способностями. Киря же, видя Васиного любопытства, нарочно ехал с важным видом, не говоря ни слова, только мурлыча под нос песенку:

Ой-ё, мама, не могу, да,
Ой-ё, мама, не могу, да,
Ступил комар на ногу, да,
Ступил комар на ногу, да,
Больно ножку вёрёдил, да,
Больно ножку вёрёдил, да...

– Слышь, Кирюха, – перебил его Вася, – как это ты их?
Киря напыжился ещё больше и продолжал мурлыкать:

Сердцеюшко востряхнул, да,
Сердцеюшко востряхнул, да...

Потом всё же замолчал и надменно сказал:

– А зря я, что ли, столько лет в учениках у самого Простомира проходил?
И снова затянул:

Сходи, мама, в кузницу, да,

Сходи, мама, в кузницу, да,
Скуй-ка, мама, топорок, да,
Скуй-ка, мама, топорок, да...

Вася не выдержал:

– Слышь, Кирюха, тебе обязательно надо, чтобы Докука приказал мне всё рассказать? Смотри, как бы он не осерчал...

При упоминании имени всемогущего Михайло Докуки Киря никакого страха не выказал, а только кивнул и почтительно привстал в стременах.

– Ладно, Вася, расскажу тебе всё и про Простомира и про своё учение – как я научился разным забавным и нужным штукам. В общем, дело было так... Был я когда-то молод, зелен и глуп. А слава Простомира уже тогда по всей Новоградской земле гремела. И не только по Новоградской. И не только по земле. Ну ладно, об этом пока не буду... Поступил я к нему в обучение. Думал я, он сразу меня разным заговорам да заклятиям учить станет. Так нет, он меня семь лет гонял на всякой чёрной работе – котлы и горшки скрести, кашу ему варить да нужник чистить. Ну и учил меня всякой нерусской грамоте, русскую-то я с детства знаю, в Новоградской земле все с детства читать-писать умеют...

Киря опять задрал нос, чрезвычайно гордясь родной Новоградчиной. Погордясь немного, продолжил:

– Так вот, учил он меня, значит, грамоте латинской и греческой, потом какой-то чудной басурманской грамоте, буквы чьи, если не знаешь, можно принять за детские каракули – алиф, ба, та, са. Ещё была грамота из картинок. Ею писали в стране, где люди строили горы. И совсем странная заморская грамота того народа, что не знал колеса. Много чему он меня учил первые семь лет. Когда я начал понимать все эти премудрости, стал он меня учить языку зверей, птиц, рыб, всяких гадов и растений. Ещё семь лет я учил эти языки. Правда, теперь он на меня ругался и часто бил дубиной – говорил, что я бестолочь. А дубина у него знатная – дубовая, суковатая...

Киря поёжился, видно, вновь ощутив на своей спине прелести Простомировой дубины.

– Когда я изучил языки всех живых тварей, взялся он меня учить языкам Земли и Воздуха, Огня и Воды. Это было самое трудное. Они ведь не живые. Вернее живые, но не нашему. И говорят совсем не так. Когда я выучил и это, прошло ещё семь лет...

– Постой, – воскликнул поражённый Вася, – а сколько же тебе лет?

Киря опять напыжился:

– Сколько надо, столько и лет.

Потом, видно, желание похвалиться постигнутыми в учении премудростями оказалось сильнее важности, и он пояснил:

– Много мне лет. Только у Простомира время ведь не как здесь бежит. Оно у него то вперёд, то назад. Для этого у него особая избушка есть. Намаешься за день, потом в той избушке выспишься – время там обратно течёт – и как будто бы и не постарел ты на день. Всё такой же остался... Простомир часто и сам там сидит. Он ведь, если по-настоящему, а не по-волшебному, наверно, уже тыщу лет прожил, а то и две... Я точно не знаю, да и никто в Новограде не знает. Думаю, даже сам Простомир забыл, сколько он годочков уже живёт на белом свете. Так вот, и я всегда ночевал в той избушке, поэтому и остался таким. А по-настоящему я, пожалуй, постарше Докуки буду... Ну ладно, слушай дальше. Отправил он как-то меня за трын-травой. Есть такая, да. У нас она не очень сильная, а вот в индейской земле – куда как сильнее. Короче, отправил он меня за этой самой травой, и сроку дал три дня – добраться, нарвать полную котомку, а котомку-то дал – полкопны влезет, и обратно... Ну пошёл я. А идти было – за три реки, за три горы, три поля перейти, три оврага обойти. Словом, куда идти – знать тебе без надобности, всё равно не найдёшь, даже если знать будешь. Волшебное это место. Решил

я не три дня ходить, а меньше – мол, смотри, Простомир, какой я резвый да послушный. И припустил чуть не бегом. Добежал в один день, нарвал трын-травы, решил переночевать тут же, а с утра пораньше – обратно, чтобы к вечеру быть на месте. Положил котомку с травой под голову, и – как в речку нырнул, заснул сразу. А запах какой от травы душистый! Я весь такой, словно в реке и плыву. Вижу самого себя как будто со стороны, а то и сверху. Заснул, словом. Выспался – слаще не бывает. Спозаранку котомку за плечи – и обратно. На закате дошёл. Простомир меня, конечно, не ждал. Я, не стукнув в окошко, захожу в избу – и чуть на пол не сел.

Тут Киря перекрестился и, перейдя на шёпот, сказал:

– Захожу я в избу, а там за столом Простомир сидит, а напротив – я сижу... Натуральный я, только смурной какой-то. Ну то есть второй я – точно такой же, что и первый, настоящий. Я, вон, пока за трын-травой ходил, рукав на рубахе о шиповник разодрал, так тот, второй, тоже сидит с драным рукавом. Короче, одурел я немного от такого дела. Простомир глянул на меня так недовольно, тот, который за столом с ним – тоже глянул, мне аж страшно стало, не дай бог никому такое испытать. Потом что-то громыхнуло и я исчез. То есть не я исчез, а тот второй я, который с Простомиром сидел. А Простомир встал из-за стола, схватил свою проклятушую дубину и ну меня охаживать! Бьёт и приговаривает: «Дурилка ты картонная позорная бесталанная! Сказано тебе, дураку, было – три дня, значит, три дня. Не бывать тебе волшебником, не постигнуть тайн причины и следствия, пшёл вон, скотина, ночью родившаяся!» Побил он меня так, потом успокоился вроде. Ни слова больше мне не сказал, а наутро заявил, что неспособен я к учению и сам закрутил свою нить. Мойры, говорит, недовольны остались. Потом ещё добавил, чтобы уходил я от него в мир, но память мне оставляет, чтобы помнил все премудрости, которые постиг, авось ещё пригожусь. На прощание треснул меня по хребту своей проклятушей дубиной, и я ушёл. Спасибо вот Докуке, приютил сироту... Такие вот дела, да.

Вася с растерянным интересом слушал Кирина рассказ. Мало того, что надо опасаться виртуоза кистеня Андриюшку Хрена, так ещё, оказывается, попал он не в простой средневековый Новоград, а в сказочный! Тут, оказывается, настоящие волхвы есть, колдуны. А значит, скорее всего, и прочая сказочная живность – русалки, лешие, а может, и вампиры. Короче говоря, как в песне – с каждым днём всё радостнее жить!

– А что, Киря, – спросил он, – сам-то ты что по этому случаю думаешь? Что это там, у Простомира, было?

– Известно что. Морок это. Простомир, оказывается, такие штуки тоже умеет делать. Я до этого и не знал. Много у него раньше видел, а морока – впервые.

– Морок – это когда он по облику живого человека делает его как бы подобие? И он, морок этот, потом все приказания Простомировы выполняет беспрекословно?

– Верно, Вася. Сразу ты уловил суть этого непростого колдовства. Ой какого непростого и опасного! Мало того, что морока делать – особое мастерство нужно. Не всякий волхв с этим делом справится. А если попы об этом узнают – не миновать костра. Простомир, конечно, от костра уберётся, а вот его помощникам надо опасаться, схватят для начала и закуют в железо, а потом поповский суд – суд скорый и безжалостный. И тут уж ничего иного, кроме костра, они не присуждают. Хотя, конечно, наши попы по сравнению с Явропой – агнцы. Жгут нечасто. Вот если б за такое дело во французской или испанской земле поймали – ещё до костра так бы изувечили, что огня ждал бы, как божьего избавления от земных мук. А вместе с виноватыми ещё бы и семью пожгли – мол, почему не донесли о колдовстве? Или из дома бы выгнали и по миру пустили.

– Говоришь, много лет в учении у Простомира провёл. Что он ещё может, кроме того, что мороков делать?

– Это, Вася, долгий рассказ, на много зимних вечеров. Расскажу только пару случаев. К Простомиру часто приходят не только заговоры делать, но и просто хворобу вывести. А порой и не решишь сразу, что это – обычная болезнь или наведённая порча или сглаз. Или про-

сто духово наказание за дерзость или неведение. Вот, приводят к нему как-то два парня свою сестру-молодицу, сама-то она еле ноги передвигала. Вернее, одну ногу, вторая у неё здоровая была. Рассказала, что случилось. Забрела она, собирая ягоды, на кладбище и засмотрелась на могилки, стала читать на крестах – кто где похоронен. А потом ушла домой, а наутро у неё нога так распухла, что ни сесть ни встать. Болит – страсть, а возле коленки – чёрное пятнышко и кровь там как будто гниёт, даже запах пошёл. Говорит, как раз в это место укусил её на кладбище муравей, очень сильно укус чесался. Простомир на это укоризненно головой покачал, увёл её к себе в избушку, меня позвал помочь. Начертил на полу круг, положил девку, юбку выше колен задрал, а мне велел вбить три гвоздя: два в ногах, а один в изголовье. Потом что-то шептать начал, я и не понял ничего, хотя в учении много языков выучил. Потом перестал шептать и вроде как начал с кем-то ругаться, а с кем – не видно! Потом крикнул – мол, ты почто же, гад, невинную бестолковую девку до смерти уморить хочешь! – и двинул посохом перед собой, в пустоту. Кто-то закричал, заблеял по-козлиному. А девка вскрикнула и глаза открыла, а до этого без сознания лежала. И вижу я – чернота у коленки сразу спала и кожа стала обычного цвета, ну, может, красноватая немного. Да и краснота сразу сходить начала. Девка встала как ни в чём не бывало и вышла из избы. Мы за нею, а там братья её поджидают, дрожат от страха. Простомир им и говорит – вы, ребятушки, за своей сестрой присматривайте, чтобы не шлэндала где попала. Вот, вчера, мол, забрела, собирая ягоды, на кладбище, а не надо было. Если никто из родственников на кладбище не похоронен – лучше не ходи туда, беда может быть. Вот Хранитель Кладбища и осерчал – если у девки никого там нет, пусть, мол, сама тут ляжет. И наслал хворобу. Вздорный он, хранитель-то, мелочный и гадкий. Ещё денёчек повременили бы – точно, легла бы на кладбище. А девку – хрясь по спине посохом – он у него для всех приспособлен, и для людей, и для духов – и, говорит, ты давай замуж выходи да детей рожай, а не по кладбищам бездумно бегай. Чтоб до Покрова, говорит, свадьбу сыграли! И ни гроша с неё не взял, потому как безвинная она, глупая только. Вот такое дело у Простомира как-то было, а ещё...

– А что, девка потом свадьбу сыграла? – заинтересовался Вася.

– А как же? Она так напугалась, что и Покрова дожидаться не стала. Через месячишко и замуж вышла. Братья ей хорошего жениха нашли, богатого. Да. С перепугу и детей нарожала – два раза тройни были и три раза по двое приносила.

Он замолчал, а Вася принялся пихать его локтём:

– Ну а что ещё хотел рассказать?

Любил он такие истории, ой любил!

Кирия встрепенулся и продолжил:

– Да, был ещё такой случай. Повадился кто-то резать в Новограде и окрестных деревнях скот. Да ладно бы, зарезал и сожрал, это понятно. Волк или медведь. А то придут утром в хлев или на пастбище – одна-две овцы мёртвые, и крови ни капли. Как будто из-за крови их и режут. Ну, в Новограде и запоговаривали – оборотень появился, кровь сосёт. Стали владыку беспокоить – давай молебен об убиении оборотня! Тот отбрыкивался как мог – мол, неизвестно ещё, отчего овцыдохнут, а молебен такой, какой вы требуете, – это не молебен, а колдовство называется. И отказался наотрез. Мужички уже собирались его дубьём проучить да силой заставить молебен отслужить, да, на счастье, вспомнили о Простомире. Отправили к нему лучших людей о помощи просить. Владыка на это и глаза закрыл, потому как сам ничего сделать с напастью не может. Может, думает, у Простомира получится, вот людишки и угомонятся. Пришли люди к нему, стал он ворожить, а я рядом стою, смотрю. Помогать он тогда не велел. Костёр жёг, траву туда бросал и в дым глядел. Сначала вижу – удивился сильно, потом усмехнулся и говорит посланникам от общества – вы, ребятушки, ступайте назад. Сами всё сделаете, без моей помощи. Все и удивились – как так? А он им ничего не ответил, только спросил – в Новограде сарацинским товаром сейчас торгуют или как? Ушли они. Я потом узнавал, сразу по приходу

взяли за шкуру сарацинских купцов – в Новограде тогда и вправду десять галер стояло. Те сначала в недоумении – за что? Испугались уже, что их жизни лишат. И могли бы! Уж больно люди злые были. Потом толмач им растолковал, что почём и какие к ним вопросы у общества. Успокоились они. Задумались. Потом говорят, что есть в их краях, в полуденных горах, такой зверь – мумён называется. Повадка у него такая: режет мелкий скот и кровь пьёт, тем и жив. Но для человека не опасен и крупный скот не трогает. Никто из сарацин этого зверя не видел, потому как редкий он, знают только понаслышке от своих единоверцев-земляков. Взяться ему в Новограде неоткуда, кроме как с одной из сарацинских галер. Старшина их так и сказал, что это, скорее всего, мы по недосмотру в трюме привезли. Спрятался зверь среди товара, а в Новограде выскочил на берег – и был таков! Потом ещё добавил, что зверь сей тепло любит и зиму новоградскую не переживёт. Мужики зимы ждать не захотели, ещё чего! До зимы этот мумён половину скота перережет! Сарацинам велели – поскольку по их недосмотру зверь здесь оказался и поскольку они его повадки знают, пусть сами его и убивают. А пока зверя на общее обозрение не предоставят, торговать не смей! Сарацины посоветовались, покурлыкали что-то по-своему, потом нашим и говорят – через толмача опять же: согласны мы. Толь зверь сей днём спит, а на разбой по ночам ходит. Посему просили охотиться ночью, и чтобы ночная стража их не имала. На том и порешили. Две ночи сарацины охотились – да без толку, а на третье утро притащили зверя. Не знаю уж, как они его выследили, их ведь мало было, а зверь безобразничал не только в городе, но и по деревням. Наверное, очень торговать хотели. Видел я потом этого мумёна. Страшный и неведомый. Не волк, не рысь и не россомаха. Да и вообще на зверя не похоже. А похоже на огромного паука, ростом с доброго пса. Да и пса-то такого рослого не часто встретишь. Повисел он с неделю на воротах, потом завонял и его закопали в лесу.

Вася внимательно слушал Кирина рассказ. Что-то подобное он слышал от ферганских таджиков, когда бывал там по делам агентства. Интересно, есть ли в этом доля правды или это лишь байки?..

Умолкнувший было Кирия встрепенулся и резко сменил тему разговора:
– Кажется, добрались.

Вскоре лес закончился, и Вася Зуб со товарищи выехали на берег реки, где располагалась ушкуйная слобода.

– Оскуй, – сказал Кирия, – по его имени и ушкуи назвали.

Ушкуйная слобода разместилась на обширнейшей поляне, застроенной деревянными домами. В каждом доме жило по тридцать-сорок человек. Тут же стояли лавки купцов, как русских, так и иноземных. Ловкие купчины скупали по дешёвке товар, награбленный ушкуйниками на Волге или Балтике. Нраву ушкуйники были самого крутого, и не раз купцам приходилось спасаться бегством от разъярённых разбойников, возмущённых бессовестностью барышников. Их так и называли презрительно – барыги. Кое-кто через этот гнев и жизни лишился, но больно уж выгодной была торговля с ушкуйниками. Награбленное они отдавали задёшево, а за оружие, вино и роскошную одежду платили не скупясь. Держать буйную вольницу в узде невероятно трудно, и такая задача была по плечу далеко не каждому. Лишь умные и сильные ветераны, славные не одним десятком дерзких походов и разбоев и к тому же обладавшие чем-то неуловимым, что византийские греки называли словом «харизма», могли заставить этих профессиональных воинов подчиняться.

Единая в бою, в слободе ушкуйная вольница разделялась по заслугам и воровскому стажу на несколько сословий. Первая называлась «порчаки». Порчак, говорили, это «порченный мужик», ещё не боец, но уже и не крестьянин (слово «мужик» считалось у ушкуйников ругательным). Это были те новоградцы, кто только что пришёл в слободу и, будучи уже принят в общество, не совершил ещё ни одного похода и не отличился ничем замечательным. К порчакам принадлежала в основном крестьянская молодёжь, которой сельская обыденность казалась

хуже ножа под лопатку и которую манили дальние походы, жаркие схватки, богатая добыча. За такими присматривали старшие товарищи, наставляли в науке владения саблей и кистенём, учили стрелять из пищали, боевому строю. Чем больше хорошо обученных воинов в походе – тем скорее все вернутся живыми и здоровыми и с добычей. Одевались порчаки обычно как простые крестьяне. Да и не было у них ни дорогих сапог, ни ярких рубах. Не награбили ещё...

Совершивших 2–3 похода (пусть даже и не шибко удачных – на войне ведь всякое бывает) называли пацанами. Пацаны были резкими, крикливыми, гордыми и заносчивыми. Ещё бы: они теперь настоящие ушкуйники, и с ними не спорь! Одевались пацаны ярко, дорого и вычурно. По молодости и неопытности считая, что яркая одежда добавляет человеку чести. Спорили, у кого на кафтане больше золота, а на сабельных ножнах – самоцветов. В бою первыми бросались в самое пекло (даже когда без этого вполне можно было обойтись), завоёвывая себе славу и боевой опыт. В споре много кричали, опять же в силу молодости и глупости считая, что кто громче, тот и прав. Но тут же замолкали, когда к ним обращались или вмешивались в спор старшие товарищи, кои звались реальными пацанами или просто – реальными.

Эти уже много лет провели в дальних походах и жарких битвах. Говорили мало и по делу, не повышая голос. Но порчаки и пацаны их слушались беспрекословно и с почтением. Оружие и одежду ценили не за красоту и богатство, а за удобство и безотказность в бою. В сражении действовали смело, умело, но без излишнего бахвальства, каждый из них стоил трёх, а то и пяти пацанов. До статуса реальных доживало не так много ушкуйников. Большинство гибло в многочисленных схватках, коими так богата беспокойная ушкуйная жизнь. И, наконец, последнее, самое малочисленное и самое опытное и уважаемое сословие – «паханы».

Паханами становились самые умные, самые сильные, самые ловкие, жёсткие и удачливые из ушкуйников. Те, кто занимался этим промыслом не один десяток лет. Кто поседел в битвах, кто мог с закрытыми глазами провести ватагу по волоку из Волхова на волжские притоки или договориться с болгарским князем (дабы не тратить время и силы на прорыв), чтобы тот беспрепятственно пропустил их вниз по течению – грабить Казханское ханство. Казанцы досаждали булгарам не меньше, чем новгородцам или москвичам. Паханы знали чужие наречия и были, как правило, хорошими дипломатами. Словом, много всего должен был ушкуйник знать, уметь и пережить, чтобы стать паханом. Конечно, при таком раскладе паханами становились единицы. Одновременно их в слободе жило не больше десяти-пятнадцати. Таково было устройство ушкуйной вольницы, этого удивительного образования в пределах Новгородской земли.

Сейчас всей слободой правил старый пахан по имени Гриша и по прозвищу Рваное Ухо. Гриша, Григорий – это имя было у него по крещению. По крайней мере, сам он так говорил. А правда это или нет – никто точно не знал, а проверять или просто интересоваться, так ли это, желающих почему-то не находилось. Ибо крут был Гриша и на расправу скор. А левое ухо у него действительно было рваным. Повредил он его в одной из бесчисленных схваток или сражений, коими так богата была его жизнь. Человеком Гриша был весьма примечательным, много повидавшим и во многих странах побывавшим. В молодости попал он в плен к булгарам, те продали его казанцам, а те, в свою очередь, свезли (пока буйный пленник не сбежал) в приморский город Геленджик, известный своим невольничьим базаром, где и продали от греха подальше за море константинопольским туркам. Турки вскоре поняли, что их приобретение – совсем не сахар. Работать не желает, а норовит всё время сбежать; сломал челюсть не в меру ретивому надсмотрщику, выбившемуся на своё место из невольников и стремящемуся доказать, что турецкий господин не зря поставил его присматривать за пленными урусами. За столь непочтительное обращение с начальством был Гриша (тогда ещё с целым ухом) нещадно бит кнутом и неделю отлёживался, приходя в себя. За время вынужденного безделья сдружился Гриша с другим непокорным пленником – бывшим стрельцом из Москвы Алексеем. Был Алексей ростиком небольшого, совсем маленького ростиком. И силы тоже не так уж чтобы сильно

большой. Из-за маленького роста никто его полным именем – Алексей – не звал, а величали просто – Алька. После бегства из стрелецкого полка довелось ему несколько лет разбойничать на реке Дон, где он с товарищами изрядно порезвился, поочерёдно грабя крымчаков, ногайцев, турок и московских купцов. Он очень ловко управлялся с ножиком и кистенём, метко палил из пистолета, пищали и даже пушки. Правда, насколько велики эти Алькины таланты, проверить пока было невозможно. Впрочем, когда пленники немного оклемались от побоев, показал Алька, что умеет не только стрелять и резать. Освободившись совершенно непостижимым образом от верёвки, коей был связан, он ею же ловко задушил того самого надсмотрщика со сломанной челюстью. После чего они с Гришей без лишнего шума покинули трюм корабля, где их держали, и тайно пробрались на другой корабль, хозяином которого был православный грек. Там беглецы открылись единоверцу, полагая, что тот не даст им пропасть и вывезет из басурманской страны – пусть хоть в виде рабов или матросов. Но оказалось, что грек не желает принимать на себя даже тени подозрения турецких властей, и просто взял да выдал русичей туркам. В результате Гриша и Алька вновь получили свою порцию кнута и вновь отправились в трюм заливать раны. Правда, хозяин-турок, восхищённый неукротимостью и ловкостью, проявленной ими при побеге, предложил поменять горькую участь раба на место янычара при своей особе – он был знатным и богатым вельможей и мог позволить себе содержать собственную гвардию. Естественно, он получил отказ, но предпочёл не наказывать непокорных, а подождать – авось передумают ребята; добрые воины ведь всегда нужны. Но ребята не передумали и, улучив ночь потемнее, вновь бежали, по пути зарезав охранника. Тут-то Гриша и подставил неосторожно своё ухо под удар размахавшегося ятаганом сторожа. Наученные горьким опытом, на греческие корабли пробираться не стали, а, высмотрев в порту флаг Мальтийского ордена, предстали пред ясны очи капитана корабля, на котором возвращалось из Стамбула посольство Ордена. Суровые рыцари, столетиями воевавшие за веру Христову, не боялись ни чертей, ни турецких властей. Ни даже бесчестья в случае, если турки обнаружат, что послы помогают укрыться беглым рабам. На этом корабле и уплыли из басурманской неволи Гриша и Алька... В пути они честно отработали гостеприимным хозяевам проезд, поочерёдно садясь за тяжёлые вёсла галеры. Корабль направлялся в Рим с докладом Папе. Но туда беглецам ехать было без надобности, и они попросили высадить их, не доезжая до Вечного города. В результате рыцари, как настоящие воины, уважающие мужество других, высадили их на Сицилии и даже дали немного денег, пожелав успешно и побыстрее добраться до дому. Вследствие всего пережитого Гриша и Алька относились к католикам терпимо. Ну то есть без особой необходимости старались их не грабить, а если и грабили, то с превеликими извинениями. И обирали они католиков не «до последней нитки», а оставляли толику имущества – «для восстановления нажитого». А вот единоверных православных греков оба невзлюбили пуще язычников-магометан и грабили с особым удовольствием, отбирая у тех буквально всё. А часто для смеха отбирали и одежду, даже исподнюю.

На Сицилии Гриша Рваное Ухо и Алька справедливо решили, что денег слишком мало, чтобы добраться до Руси. Посему приняли решение – заработать себе на дорогу. Но, так как оба испытывали стойкое отвращение к крестьянскому труду и учитывая сумбурное состояние местной жизни, часто нарушаемой набегами турецких и алжирских пиратов, они быстро сколотили в шайку несколько десятков здешних сорвиголов. Гриша стал атаманом, Алька – его первым помощником. Они обложили данью местных торговцев-барышников-барыг, в случае отказа платить разграбляя всё их имущество. Впрочем, налог этот разбойничий был небольшим и честных негоциантов не особо обременял. Гришина шайка даже могла при необходимости защитить, когда окрестные князья и бароны пытались взять с купцов сверх меры. Словом, разбойничали Гриша с Алькой справедливо.

Помимо грабежей, Гриша помнил и о том, что не надо ссориться с местным бедным населением, и никогда бедняков не грабил. Шайка разбойничала в болотистой местности –

сырость, утренние туманы, бррррр. Дабы позаботиться о здоровье своих соратников, Гриша распорядился приобрести у крестьян (расчет был скрупулёзно точным и честным!) два десятка молочных коз. И теперь разбойники регулярно пили целебное козье молоко, дабы не заболеть злой болезнью чахоткой. Гришино стадо паслось вперемешку с крестьянским скотом, и частенько случалось, что селянин, перепутав животных, уводил разбойничьих коз к себе в хлев. В этом случае к нему не позднее следующего утра являлся кто-нибудь из шайки, указывал на животное и заявлял, что эта коза, мол, наша. На местном наречии это звучало как «коза ностра». Очевидная правота визитёра, а ещё более – его зверский вид вкупе с мушкетом и большой саблей убеждали крестьян лучше, чем убеждает священник, уговаривая мирян пожертвовать на строительство храма. Разбойник, получивший от Гриши строгое внушение не чинить никому зла, забирал имущество шайки и спокойно удалялся. А крестьянин благодарил Бога, что их разбойники такие добрые. Другие могли бы и убить. Благо – в окрестных областях примеров было изрядно... А название «Коза ностра» с тех пор так и закрепилось за благородными разбойниками, которые и грабят справедливо, а при случае и от незаконных мародёров защитят...

В конце концов Гриша посчитал, что накоплено достаточно денег для возвращения на Русь. Но Алька ехать отказался, очень уж ему понравилось здесь, на Сицилии. Тогда Гриша сердечно попрощался со старым товарищем, с которым пережито столько бед и радостей. попрощался и с новыми своими товарищами – сицилийцами. Взял, сколько нужно, денег из общей кассы и отправился на северо-восток. Там, в Новоградской земле, ему в силу знания многих языков и обычаев разных народов и высокого боевого мастерства вскоре предстояло стать одним из предводителей ушкуйников.

А Алька ещё долго и славно разбойничал на Сицилии. И сейчас ещё передаются из уст в уста в нынешних поколениях здешних разбойничков рассказы о легендарном Альке, о его подвигах здесь, на Сицилии, в турецком плену, а также на далёкой, загадочной и невыносимо прекрасной реке Дон. Его даже так и стали называть почтительно – Дон. Из-за невысокого своего роста ездить на высоком статном коне он не мог, поэтому прикупил по случаю маленькую лошадку – пони. Да и в здешней гористой местности она больше подходила для передвижения. Из-за своей невеликой лошадки он и прозвище получил, его теперь называли – наш Дон Алька Пони. Однажды некто, впервые видевший маленького Алькиного коня, начал насмехаться над животным. На что Алька спокойно заявил: «Над конём смеётся тот, кто боится смеяться над его хозяином». После чего насмешник умолк, а один бывший при этом разговоре шустрый француз восторженно закричал: «О-ля-ля! Великолепно сказано, мсье!» После чего быстренько обглодал лягушачью лапку и заскрипел гусиным пером в своей тетради... Да, всё именно так и было. И никак иначе...

– Оскуй, – сказал Киря, – по его имени и ушкуи называли...

Река Оскуй, приток Волхова. Здесь строили свои ушкуи лихие новоградские ребята, отсюда и название пошло. Здесь же и стояла знаменитая, буйная и вольная ушкуйная слобода. Гостей сразу заметили: по виду – явно не местные и не купцы. Свои-то купцы – все наперечёт, их все знают. Подошли несколько разодетых в пух и прах ушкуйников. Судя по виду – явные пацаны из молодых. Хотели позадирать приезжих, потом узнали Федю и решили, что лучше не надо.

– Ну что, сынок, – ласково обратился Киря к самому пёстрому и яркому, – покажи, где нам найти Гришу Рваное Ухо.

Молодец об особых Кириных талантах и не догадывался, но перечить человеку, который пришёл в одной компании с Федей Пасть Порву, посчитал неверным.

– Там, – махнул рукой в центр слободы, – вон высокий дом с хоругвем.

Когда подъехали к хоругвеносному дому, Гриша Рваное Ухо встретил гостей на крыльце:

– Здравствуйте, люди добрые, – сказал хозяин, потом персонально Феде, – здравствуй, Фёдор, рад тебя видеть в полном здравии. Сейчас сядем обедать, а потом расскажем, зачем приехали.

Сели есть. Кушанья были не боярские, простые. Щи да каша. В углу комнаты какой-то рослый ушкуйник, накрошив в миску чёрного хлеба, заливал его водкой. Васю аж передёрнуло от отвращения... Был, чего уж там скрывать, был у Васи такой опыт в самой что ни на есть сопливо-прыщавой юности. Когда самому хочется всё попробовать, всё испытать. Одного раза хватило, чтобы на всю жизнь выработать у себя отвращение к подобной похлёбке.

О том, что Гриша – старик тёртый, матёрый, Вася догадался сразу. Этакая непринуждённость, простота манер, радушие на лице, а глаза острые. Внимательные глаза. Оценивающие. Глаза народных вождей, старых милицейских следователей и вахтёров рабочих общежитий. Всё замечающие, всё быстро и верно оценивающие глаза. Не упускающие ни малейшей неопрятности в одежде, ни фальшивого жеста, ни одной оплошности.

Разговор состоялся сразу после обеда.

– Михайле Докуке – наше почтение, – начал Гриша, – уважаю. Человек он правильный, без нужды никому гадости не сделает...

И замолчал. Вася сидел, не зная, как реагировать на эти слова. А ведь прав Гриша, очень даже прав. Ладно, сейчас надо о деле думать.

– Вижу я вас, ребята, насквозь, – продолжил Гриша. – Федя – он человек светлый, безобидный человек. Честный, добрый и верный. Такого товарищем иметь – лучше не бывает. Ты, – он ткнул пальцем в Кирию, – человек, многими знаниями отягощённый. Вижу тебя впервые, но сразу понял, – не прост ты, ой как не прост. Ты тоже верный, но по-другому. Не от сердца твоя верность, а от ума. И от благодарности. Не знаю уж, чем Докука её заслужил, но здорово ты стараешься для него, здорово.

Опять помолчали. Все ждали, что ещё скажет гостеприимный хозяин.

– А вот ты, – Гриша указал на Васю, – для меня загадка. Всех людей я вижу, кого больше, кого меньше. А тебя не вижу. Муть одна. Туман. Да ты не обижайся. Это не оттого, что ты плох. Просто ты какой-то нездешний. Не наш ты, не от мира сего... Не знаю уж, плохо это или хорошо. Хотя ладно, давайте о деле. Что Михайле Докуке от меня надо?

Теперь заговорил Кирия. Так и было решено заранее – говорить с главарём ушкуйников будет он, как человек ушлый и знающий. А Вася будет лишь слушать, поддакивать и высказываться только по необходимости.

– Докука прислал узнать, – сказал Кирия, – как у вас дела. Помня вашу давнишнюю службу на благо земли Новоградской, готов помочь при необходимости харчами или боевыми припасами. Не испытываете ли каких затруднений?

– Понимаю, – ответил Гриша Рваное Ухо, – Докука хочет знать, чего от нас ждать. Собираемся ли мы в поход или будем здесь колобродить. Понимаю его, понимаю. Ребятунки мои – люди суматошные. Здесь останутся – много беспокойства выйдет для новоградских обывателей. Ну что же ты, Кирюха, – обратился Гриша к послу, – мог бы и по-простому, без обиняков спросить. Я завсегда Докуку поддерживал. И дальше поддержу, если он на наши вольности посягать не будет. Так и передай ему. А про его непонятки с Аскольдом и Филькой-дурачком я знаю. Если что серьёзное будет – подсоблю. Эх, – это к Феде уже, – жаль, Фёдор, не идёшь ты к нам. Славный бы из тебя ушкуйник вышел! Давно зову тебя, да знаю ведь, что ты Докуке сильно обязан. Но если надумаешь – всегда примем.

Кирия сидел с каменным лицом, не выдавая своих чувств. А между тем Вася видел, что он сильно озадачен умом и проницательностью старого разбойника Гриши Рваное Ухо... Считая главную задачу – заручиться поддержкой ушкуйников на случай непредвиденной ситуации – выполненной, маленькое посольство засобиралось в обратный путь. Гриша задерживать не стал. Если собираются – значит, надо людям. Не женщины же – уговаривать их!

Обратно добрались быстро. На месте былой встречи с вражескими силами никого уже не было, только трава примята. Перед ужином рассказали о поездке Докуке. Михайло доклад выслушал внимательно. При известии о договоре с ушкуйниками обрадованно покряхтел, а вот когда рассказали о нападении, он грозно нахмурился:

– Думаю я, кто-то из дворни моей к Аскольду бегают, докладывает, что тут деется. Это я разберу сам. Быстро разберу. Надо остановить гадёныша, пока он всех нас не продал...

Купчина Филипп, старшина первой купеческой гильдии Новограда, кушал пельмени со сметаной. Вместе с ним кушали несколько бояр – из тех, что разделяли его взгляды, и начальник городской стражи Иван по прозвищу Вострая Сабля – старый и опытный воин. Такие вот совместные посиделки с поеданием пельменей, осетров или печёных кроликов с недавнего времени стали традицией. С тех пор, как клятый Михайло Докука стал посматривать в сторону Москвы, спать спокойно Филипп и его близкие и друзья больше не могли. Казалось бы, ну чего ему надо, этому старому хрычу Докуке? Денег – что грязи, пол-Новограда под собой держит, так всё ему мало, хочет всех своих соперников раздавить, один богатство загребать, и для этого готов даже под руку московского царя уйти. А ведь москали, они – ууууууууу, проклятущие! Наглые, жадные и с татарами водятся. С дикими кочевниками... Не то что светлая Новоградчина – вся в сиянии древней святости и с просвещённой Европой по соседству!!! Вот, кстати, дворня к пельменям буряковую наливочку тащит. Ляпота! Ну, вздрогнули!

Туго набитое брюхо, орошённое крепкой буряковкой, требовало приятственной беседы. Начал её хозяин дома.

– Ну что, друзья, давайте думать да гадать, как нам от замыслов Докукиных избавиться. А не то он силу возьмёт – все вместе и пойдём под клятых москалей. Тогда навоемся.

Изрядно выпивший боярин Василь Нетудышапка смачно икнул и привычно начал:

– Нет, ну вы только подумайте, честная братия, до чего клятые москали озверели: на наш, на мой новоградский сбывень как говорят – сбывень! Мол, его при готовке сбивают, отсюда и сбывень. А мне ли не знать, вся торговля им в Новограде – моя, ещё и ливонцам сбываем, и шведам. Вот и сбывень поэтому. Маслицем постненьким его покропишь – дабы не скис, и сбываешь.

– А ещё они на наше пиво говорят – пиво, – нетрезво буркнул кто-то из угла, – вот где поруха новоградской вольности! У, поубивал бы!

Собрание согласно зашумело, посыпались привычные претензии клятым москалям:

– Они у нас язык украли! Это мы, новоградцы – истинные русичи, а они – невесть что!

– Ещё они работать не хотят, только пьянствуют да обижают всех!

– Если б не эти варвары-москали, мы бы сейчас жили, как в просвещённой Европе...

Филипп резко оборвал поток нелепых претензий:

– Это всё так, честной народ. Но не пора ли от слов переходить к делу? Докука силён, и многие в Новограде за него. Если будет сидеть без дела, станет он-таки посадником, и тогда всё. Придёт Москва и не будет у нас ни одежды парчовой да атласной, ни пельменей медвежьих, ни буряковки вкусной. Словом, есть у меня одна мысль, как от него избавиться.

Всё собрание заинтересованно замолчало. К тому времени слуги вынесли из обеденной грязную посуду и никто посторонний не мог слышать, о чём беседуют заговорщики.

– Ходили прошлый год мои людишки к самоедам на Югорский шар за ясаком, и вот что там было... Мишка, рассказывай.

Мишка, старший из филипповских служилых людей, встал со стоящего в сторонке стула, и вышел на середину комнаты:

– Так было, бояре: ходили мы в прошлый год к самоедам на Югорский шар. Ну, всё как обычно: набрали шкур песцовых и лисьих, рыбий зуб, да много чего ещё набрали. Как водится, пару-тройку самоеды прибили – а что они отдавать нам песцов не хотели, жадные какие! Идём

обратно. Все довольные такие – ещё бы, добыча богатая. Да только стали вдруг замечать, что идти-то мы идём, да всё куда надо не выйдем. Я сам в пятый раз в этих краях, места знаю. Братва у меня – многие по десять раз и больше бывали, всё знаем назубок, а вот ведь заблудились же! Давно пора к переправе через Печору выйти, а реки всё нету и нету! Мы уж и не знали что делать. Случись бы такое под Новоградом, сразу ясно – леший водит. А тут – какой леший, лесу-то нету совсем. Тундра. На третий день под вечер идём – глядь, стоит посреди тундры самоедская изба – чум называется... Жерди шалашиком составлены, шкур сверху накидано – вот и изба. Русскому человеку – глянуть противно, а самоеды привыкли, им в самый раз. Ну, думаем, сейчас ещё поживимся – чум богатый, сразу видно. Шкуры все новенькие, молью не побитые, не облезлые. Видно, что добрый, зажиточный хозяин живёт. Подходим все – два десятка нас было, и выходит из чума самоед. Росту среднего, хлипкий. Возрасту не понять какого. Да у них, у басурман, бывает так: лицо сморщенное, как печёное яблоко, и не поймёшь сразу, то ли тридцать лет, то ли шестой десяток. Мы толмача нашего вперёд вытолкнули – говори, мол, чтобы сам шкуры сдал. А самоед сам и говорит по-нашему: «Вы, мол, песцы позорные, бакланы голодные, крикливые, какого хрена наших людей обираете, последнее у мужиков затырили». И по матушке нас обложил. Да заковыристо так, мастерски. Даже я так не умею. Мы сначала ошалели от такой наглости, потом посмеялись и решили полоумного не обижать, а просто надавать по шее для порядку. Подхожу я к нему, а он насмешливо так на меня глянул и дунул в небо. И снег сразу пошёл. Только что ясное солнышко светило, теплынь, и враз – хлопья падают, пуржит. У меня руки сразу и опустились. Тут Митька – молодой он, впервые в тундре – кинулся с ножом на самоеда, да и не добежал даже. Сомлел, упал. Понял я, что не простой это самоед, а волхв ихний, шаманом звать. А того и гляди, выдутана – так самые сильные шаманы зовутся, вроде как шаман шаманов. А он хитро так глянул и говорит, «мол, правильно думаешь». Такой вот непростой самоед нам попался. «Отдавайте, говорит, всё, что награбили, а то будете по тундре кружить, пока моржиха оленёнка не принесёт, не отпущу я вас». Это у них поговорка такая, по-нашему значит – пока рак на горе не свистнет или после дождичка в четверг. Ну, мы – делать нечего – отдали ему всё, что взяли у басурман. В печали стоим, решили тут же и заночевать, а самоед и не против. Разместились, костёрчик развели, ушицы сварганили. Водочки польской достали – у нас было немного. Я решил пошутить, запалил водку в кружке да и выпил её, горящую. У самоеда глаза на лоб полезли. Забормотал что-то по-своему, челюсть отвисла. Потом оклемался немного, говорит – я, говорит, выдутана – шаман над шаманами, самый сильный в тундре, а такого не умею. Могу зверями разными обращаться, птицами, рыбами, гадами, мухами. Могу ветром летать или сделать так, что в чуме снег идёт. А вот воду огненную ни разу не видел, поджигать и пить её не умею. Покажи, научи – ничего не пожалею. Я тут же смекнул, что неведение самоедово можно нам на пользу обратить. Говорю ему – показать да научить могу, конечно, только наука эта дорогая, многого стоит. А он на всё согласен. Взял я ещё немного водки, поджёг. Выпил он – с непривычки одурел немного. Потом, как похорошело, ещё захотел. Я ему ещё налил. Короче говоря, скоро мы с ним были лучшими друзьями. Я ему полведра водки подарил, а он мне за неё всё, что отобрал – вернул и ещё от себя семь чёрнобурок добавил.

Собрание развеселилось. Филипп, довольный расторопностью да сообразительностью Мишки, громко заявил:

– Вот, ребята, как надо дела вести: полведра водки – и два воза мягкой рухляди в кармане... но это ещё не всё. Мишка, продолжай.

Мишка откашлялся, хлебнул воды и продолжил:

– Утром мы распрощались. Самоед, а имя у него, кстати, чудное было и длинное, поихнему я не выговорю даже, а если по-нашему сказать, то – Хитрый И Осторожный Песец, Который Подкрадывается К Своей Жертве Незаметно. Так вот, самоед остался опохмеляться, голова-то у него с непривычки сильно болела. А я думаю: добычу мы вернули, с волхвом басур-

манским подружились. Казалось бы, куда ещё лучше? Потом смекнул, что такими знакомствами не разбрасываются. Шаман – человек знающий, волшебный. Но не шибко хитрый – вон как на мою водочку-то попался! Такими управлять легко, и много пользы они могут принести. Только хотел к нему подойти, узнать, где его найти, коль нужда будет, а он сам ко мне идёт. Говорит, что, мол, нравится ему огненная вода, а делать её самоеды не умеют. А её выпьешь – и паришь, словно гагара в поднебесье. Возьми, говорит, от меня вещь, с её помощью всегда можешь меня вызвать, чем могу – помогу, да только за дело моё огненной водой брать буду. И протягивает рыбий скелет. Тухлятиной воняет! А он говорит – бери, не брезгуй. Если нужен буду, ты кость в огонь кидай, тут я и приду... А как, что – не говорит. Повернулся и ушёл. Я его расспрашивать больше ни о чём не стал, собираться мы стали. А Песец, Который Подкрадывается Незаметно, исчез. Он и исчезает, оказывается, тоже незаметно. По крайней мере, никто из наших не видел, куда он подевался. Вот и весь мой рассказ.

Собрание минуту помолчало. Потом Филипп сказал:

– Думаю я, надо этого самоедского волхва вызывать. У Докуки в друзьях Простомир ходит. Трудно будет с ними тягаться. И откладывать ничего не будем, сейчас же и позовём. Мишка, давай кость рыбью!

Все молчали, выражая тем согласие. Мишка, покопавшись за пазухой, вытащил чистую тряпицу – в ней была завёрнута заветная кость. Печь по летнему времени не топилась, но дрова для такого случая были припасены заранее. Мишка развёл огонь и через несколько минут, когда пламя разгорелось, бросил туда кость.

Ничего не произошло, но потом горницу наполнила из печки такая вонь, что пришлось приоткрыть окно.

– Закройте створку, – сказал кто-то, – никто не должен видеть.

Никто не понял, кто это сказал, но Мишка заулыбался. Он-то сразу узнал, чей это голос...

В углу стоял он, тот, кто подкрался незаметно. Во всём своём шаманском великолепии – меховой одежде, меховых сапогах, меховой шапке, с посохом, бубном из оленьей кожи и котомкой.

– Здравствуй, Мишка. Что, понадобился я тебе или просто соскучился по старому другу?

Мишка молчал, за него сказал Филипп:

– Мишка – мой слуга. Теперь ты со мной говорить будешь.

– Я тебе не слуга, а Мишка – мой друг, – проворчал сварливый и строптивый самоед, – ему помогу, чем могу, а ты никто и звать тебя никак!

Все, и особенно Филипп аж обалдели от такой наглости и дерзости, но вовремя сообразили, что ссориться с шаманом сейчас не с руки. Он ещё пригодится. Шаман, казалось, прочёл сомнения и борьбу в мыслях бояр, так как его рот растянулся в довольной улыбке:

– Во-во. С выдутана ругаться нельзя. Людишки-то твои, ну, может, не твои, а чьи-то ещё, вон, поругались с учеником одного вашего русского выдутана. Им было велено человека одного неизвестного, что Докукины люди в лесу подобрали, пленить да привезти, а они не смогли. Тот ученик их без сил оставил. Так ведь это всего ученик был, а если тебе с самим вашим русским шаманом встретиться придётся, а? Будешь плакать и мамку звать.

Хитрый Песец на минутку задумался, а потом сказал:

– Мамка тебе, конечно, не поможет, а вот я помогу. Для этого ведь меня и позвали, да? Не за бесплатно, конечно. Дашь мне огненной воды, сколько я захочу, и вдобавок ещё огненный лук с огненными стрелами, тоже сколько захочу. Ну что – по рукам?

Филипп, хоть и, по мнению Докуки, невеликого ума человек, деловую хватку имел. Он быстро сообразил, что получить в полное распоряжение такого могучего волшебника за очень смешную, в общем-то, плату – пицаль с пулями и порохом да пару вёдер водки (вряд ли этот пьянчужка сможет выпить больше) – большая удача.

– По рукам!

Боярин и самоедский колдун пожали друг другу руки.

– Ты пока отдыхай, Хитрый Песец, а завтра утречком мы обмозгуем, как твоё колдовство к делу приспособить. Иди, тебя покормят и келью укажут, где жить будешь. Эй, уведите самоеда на кухню да накормите от пуза!

Вбежали слуги и отвели странного гостя ужинать. А Филипп подозвал ключницу:

– Положи этого чумастика в каморке, что у нужного чулана. Ну, где раньше старые дерюги держали. А то он весь терем завоняет и запоганит своими блохами.

Один из дворовых людей Михайлы Докуки исчез. Его никто не искал и не интересовался, что с ним стало. По тому, как его хозяин был спокоен, Вася Зуб понял, что предатель найден и больше никого и ничто не предаст. Между тем надо было готовиться к предстоящим схваткам на том поприще, на котором Вася был силен как никто другой – на поприще пиар, паблик рилейшнз, связей с общественностью, всё это разные термины, означающие одно – искусство манипулирования общественным мнением. И пусть политкорректно-демократически-либеральные авторы утверждают, что *паблик рилейшнз – это управленческая деятельность, направленная на установление взаимовыгодных, гармоничных отношений*. Ой, как же они, эти авторы, не правы или лицемерны! Всё не так, совсем не так! Дедушка Сэм Блэк, ты тоже кругом не прав! Народная мудрость говорит, что кто платит – тот и заказывает музыку. А по мнению одного умного немчина, кто любит хорошую колбасу и хорошую политику, не должен знать, как делается ни то, ни другое. И со времён Рима и до дней нынешних, пиар (какими бы словами его не называли) – средство убедить людей, что к определённом мнению они пришли самостоятельно... Только так и никак иначе... Так или примерно так думал Вася Зуб, переваривая своё нынешнее положение.

...Поездка к таинственному волхву-волшебнику Простомиру была задумана после посещения ушкуйной слободы. Докука и сам подумывал о том, что неплохо было бы приспособить знаменитого и могучего колдуна к своему делу. Но не так-то это было просто. Волшебник, во-первых, жил, как и подобает кудеснику его ранга, за семью холмами, семью лесами и семью реками. Добираться до него пешему – два дня, конному – день. «Километров сорок примерно» – оценил Вася. Причём дойти до него мог не всякий. Кто сразу, легко и просто доберётся, а кто проплутает в лесах неделю и едва живой ни с чем вернётся. Это те, кто вздумал тревожить чародея по пустяшному, вздорному делу, а то и просто из чистого любопытства. Кому никогда не отказывал Простомир – так это больным. Бывало, принесут ему человека – медведь на охоте помял, чуть живой. А обратно уходит своими ногами, а то и на коне. Особо горячие да смелые девки тоже приходили – приворожить им, видите ли, любимого. Таким Простомир отвечал – мол, любовь, это дело божеское, человек или даже волхв тут управлять не может. А если продолжали упрашивать – давал им такого шлепка по мягкому месту, что летели они до дому как на крыльях, в полдня проходя двухдневный путь. А по другим просьбам – ну там, падёж от скотины отвести, дать удачу в делах или ещё что – Простомир смотрел по человеку и по делу его. Кому поможет без платы, с кого маленькую денежку возьмёт, а с кого и большую. А кому и откажет. «Уходи, скажет, – зря я тебя сюда допустил». И всё... Если кого Простомир невзлюбит (а надо отдать должное – без причины он ни на кого зла не держал), то берегись! Нет, никого он в лягушку или змею не превратил. Насылал просто на негодея медвежьей болезнью – и всё. Идёт такой человек, скажем, среди бела дня по главному новоградскому торжищу, и вдруг – так приспичит, что до нужного чулана добежать – не успеть. Так и опорожнялся на глазах у всех. И никто не знал, когда следующий приступ стыдной болезни и в каком месте случится. А все ему в спину пальцами тычут – «а, этот тот, который...» – и взрыв жизнерадостного смеха. Тут, может, и участь лягушки или змеи покажется пряником. Главный новоградский поп владыка Пафнутий уже неоднократно проклинал Простомира как поганого язычника, а на тех, кто к нему ходит, угрожал наложить анафему. Обещать-то обещал, да не наложил. Злые и ехидные

языки поговаривали, что владыка Пафнутий сам как-то бывал у Простомира, и тот вылечил его от какой-то очень уж заковыристой болезни. Вот и не зарастала народная тропа к страшному, сильному, умелому, а вообще-то очень неплохому и доброму волхву Простомиру. А что касается проклятий и обещания анафемы – что ж, у Пафнутия просто работа такая...

К Простомиру выехали – Вася Зуб, Федя Пасть Порву, десять человек из дворни – в том числе те четверо, кто пленил Васю в лесу, а дорогу показывал Киря Упал Отжался. Вася уже догадался, что Докукина дворня – не простая дворня. Мужики все как на подбор – крепкие, жилистые, каждый владел каким-то оружием – пицалью, саблей, луком или бердышем. И все – владели кистенём. Словом, личная гвардия, телохранители, боевики, спецназ. Как нравится, так и назовите. Михайло Докука тоже не захотел сидеть дома. Даром, что в возрасте – был он силен, ловок и на подъём лёгок. Простомира он знал много-много лет, говорил, что тот ещё его прадеду помогал в разных там делах и делишках.

Выехали ещё рано утром, затемно, чтобы добраться до Простомира пораньше. Дорога шла лесом, Киря уверенно вёл группу. Где-то ближе к обеду Киря вдруг заволновался, стал останавливать всех и сам отлучался – говорил, разведывать дорогу. Часто останавливался в нерешительности, не зная, какое направление выбрать на лесной развилке. Тогда глаза его делались страшными. Становилось жутковато.

– Ничего не пойму, – бормотал он, – кто-то водит нас, что ли. Неужто Зелёный Дядька шутить вздумал?

Когда в очередной раз встали на лесном перекрёстке, Киря внимательно осмотрел ближние кусты и коряги, и лицо его просияло, будто осенила его какая-то, видимо, очень правильная и радостная мысль. «Я тебе сейчас устрою», – взревел он и ринулся куда-то вбок, в самую гущу. Докука поехал за ним – неуместно боярину казаться робким! Хотя робким, собственно, Докуку никто никогда и не считал. Вслед за ними отправился Вася – из любопытства, а за ним уж и Докукина охрана – доказывать, что не зря боярин платит им звонкую монету.

Ехать пришлось недалеко. Когда Вася продрался сквозь чащобу на поляну, там он увидел презабавную картину: у сосны стоит детина – вот те крест, не вру – ростом чуть не в половину этой сосны, весь зелёный, как огурец, и рожа совершенно невозможная. Ну не бывает у людей таких рож – шишковатая какая-то, кривобокая и поросла зелёной порослью, причём не повсеместно, а клочками – словно борода у новоградского дьячка Авенира. И этот великан робко жмётся к дереву, а вокруг него прыгает разъярённый Киря и лупит его суковатой дубиной по коленкам – выше-то тщедушный волхв-недоучка просто не доставал.

– Ах ты, сопля зелёная, – ревел Киря, – да я тебя сейчас... легче закрасить будет, чем отскрести... да я тебя... моргалы выколю!!!

– Ай-ай, – басом гудел великан, – не надо, Кирюха, не надо моргалы!

Но Киря совсем разошёлся.

– Я те щас... самое страшное заклятье... **ЧТОБ ТЫ ВСЮ ДОРОГУ ПАРЕНЬМИ ЛУКОВИЦАМИ ПИТАЛСЯ И ТЁПЛОЙ ВОДКОЙ ЗАПИВАЛ!!!**

– Нет, Киря, только не это, – громовым шёпотом пролепетал из последних сил Зелёный Дядька и исчез.

Вернее, как сразу же понял Вася, не исчез, а уменьшился. Теперь перед ними стоял не великан, а совсем маленький зелёный человечек – ну как большой кузнечик примерно или как саранча. Киря, сразу успокоившись, заговорил с очень даже доброжелательными интонациями:

– Ты что, зелёный, шутить так вздумал? Не видел, что ли, кто идёт?

– А чего бы и не пошутить, Кирюха, – теперь пицал коротышка, – сам ведь знаешь, для чего я здесь приставлен. А тебя давненько не видел, не признал. Извини.

– Ну ладно, больше так не делай. – Киря легко щёлкнул по носу зелёному малышу. От этого щелчка колпак слетел с головы лешего и затерялся где-то в траве. Тот не обратил на это ни малейшего внимания. – Ладно, чеши отсель.

Приказ был исполнен лешим моментально. Ну то есть он просто исчез. Не отпрыгнул в сторону, на затерялся среди травы, а исчез. Моментально, как будто свет выключили.

Вася и Докука смотрели на эту комичную сценку, разинув рот и округлив от удивления глаза. Остальные – подобоострастно и даже с некоторым испугом поглядывая на Кирию. Ещё бы: их товарищ, оказывается, с нечистыми знаком, и не только знаком, а они его даже побаиваются. Такого зауважаешь...

Кирия надменно взглянул на охрану и на Васю и с подобоострастным выжиданием (мол, видишь, насколько я крут, не зря мне деньги платишь) – на Докуку. Потом сказал:

– Всё, теперь нам никто не помешает. Скоро будем у Простомира.

По дороге Вася упрашивал Кирию рассказать, что случилось, но тот высокомерно молчал, пока боярин на него не прикрикнул:

– Ты давай говори, когда он тебя спрашивает. Нос задираешь не по чину.

После этого Кирия немного сник и всё рассказал:

– Этот зелёный – нечисть лесная. Кто его кличет Лешим, кто – Боровиком, а немцы ганзейские – Генрихом. Приставлен за лесом присматривать. Все леса в округе Новограда – его. Я его узнал, когда у Простомира в учении был. Волхв ему поручил ненужных людей к нему не допускать, кружить по лесу. За это ему делает так, чтобы в лесу засухи или шелкопряда не было, чтобы орехи родились, грибы да всякие ягоды. Для Лешего это – первое дело, он и лес – это ведь одно и то же. Вот он и рад стараться, свои обязанности строго всегда выполнял, да вот сейчас что-то распоясался. Не думаю я, что Простомир велел ему нас кружить. Спутал, наверное, что-то или просто пошалить захотел, посвоевольничать. Справиться с ним легко, но только не всем, а кто знает заветное слово. Видел, как я его лупил, а он даже с места не сошёл? Это я у Простомира такое слово волшебное выучил и теперь власть над ним имею. Он ведь сначала меня не узнал, вырос вон, с полсосны, напугать захотел. ХА!

Тут Кирия умолк, полагая, что сказал достаточно и, видно, поправив своим рассказом пошатнувшееся было самолюбие, дальше ехал молча.

Больше никаких преград в дороге не было, за исключением, конечно, семи рек с семью же холмами. Лесов, правда, было не семь, а всего один, но очень большой. К вечеру добрались до места. Знаменитый волшебник жил на небольшой поляне у ручья. Избушек у него было три. Одна – обычная, как у всех – срубная. Другая – чудная какая-то, как будто из веток плетённая с крышей из соснового лапника. Третья – скорее даже не изба, а склад, трубы там над крышей не торчало, значит, для зимнего жития она не предназначалась. «Вон та, что с крышей из сосны – в ней время обратно идёт, а без трубы – там Простомир всякие свои волшебные штучки держит, которые в избе не поместились», – шепнул Кирия с видом опытного гида. Волшебник их встретил на пороге:

– Ну, здравствуй, Михайло Докука, – сказал он, потом нахмурился в сторону Кири:

– И тебе привет.

Обернулся к Васе, улыбнулся:

– Здравствуй, Василий Николаевич, не устал ли с дороги?

И, не дожидаясь ответа, опять обернулся к Кирию:

– Давай-ка ты, балбес, людишек размещай. Пусть шалаш соорудят, в избы их не пуцу. Да кашу себе сами пусть варят, не могу же я своими харчами такую ораву кормить. Как справишься, зайдёшь ко мне.

Докукины бойцы и сами не рвались посетить жилище грозного волшебника. Они быстрехонько расседлали, накормили коней и принялись готовить себе ужин. А Кирия пошёл в избу, знакомую ему по многолетнему учению у Простомира. Хозяин избы, Докука и Вася уже сидели за столом и уминали перловку с тушёным мясом. Кирию тоже пригласили присесть. Разговор шёл об участии Простомира в предвыборной кампании Докуки. Слово держал волхв:

– Знаю я, зачем приехали, какое дело у вас до меня. Сразу говорю: помогу всем, чем смогу. Ну, тебе, Михайло, придётся раскошелиться, конечно. Дело у меня будет хлопотное и непростое, придётся сильно постараться.

– За этим дело не станет, – пробасил Докука, – сколько надо, столько и отсыплю. А что делать-то?

– Это тебе, Мишаня, знать без надобности, это дело волшебное. Знать до поры и до времени об этом буду только я да ещё он, – Простомир указал на Васю.

Михайло Докука внимательно посмотрел на своего нового работника:

– Да, Васятка, чуял я, что ты не простой человек, ох как чуял. Да ведь так и оказалось – если сам Простомир тебя из всех выделил и дело у вас общее и тайное, для других пока неведомое.

– Ты, Мишаня, не суетись, – сказал Простомир, – колдовать я буду. Колдовство моё будет опасным. Если что не так, если хоть одна живая душа разнюхает – не сносить тебе головы. Не то что про посадничье кресло забудешь. Рвать когти будешь из Новограда, чтобы даже не имущество – голову сберечь. Помнишь, как у тебя недавно Васятку-то отбить хотели? То-то же. Меньше знаешь – быстрее доедешь, – переврал волхв народную мудрость.

– Колданёшь? – с надеждой спросил Докука.

– Колдану, – с улыбкой заверил его волхв.

Простомир достал из чулана бутыль тёмного стекла, всю в паутине да пыли, разлил по серебряным рюмкам:

– Выпьем за наш успех. Пейте смело, это настойка полезная, на бруснике с клюквой. Для крепости ещё трын-трава положена. Это питьё силы укрепляет и сон целебный за собой ведёт. По одной рюмке – в самый раз, больше не дам.

Выпили по рюмке, и Простомир утащил бутылку обратно в чулан – словно хозяйственный хомячок орешек в норку. Потом снова уселся за стол.

– Рассказывайте, гости дорогие, как вам ко мне ехалось, не было ли чего примечательного в дороге?

– Было, – ответил за всех Докука, – Зелёный Дядька нас кружил, да твой ученик его вразумил, так что добрались мы хорошо.

– Вот как? – удивился Простомир. – Сейчас узнаем, что это он самовольничает.

Он щёлкнул пальцами и прокричал какое-то непонятное волшебное слово. Тут же на улице загомонили Докукины бойцы. Вася и Докука бросились к окошку: мужики, достав из ножен сабли и подняв заряженные пищали, уставились куда-то в сторону, готовые в любую минуту начать сражение. Впереди всех стоял Федя с обнажённой саблей. Даже издали было видно, что они напуганы, хотя напугать таких отчаянных – дело нелёгкое. Вскоре стало ясно, что напугало бойцов. От леса к Простомировой избушке шло кошмарное существо – ростом ещё поболее, чем давишний лешак, с утиными лапами, всё в коричневой шерсти, как медведь, изо рта торчали, не помещаясь там, четыре клыка, по два сверху и снизу. Глаза размером с суповые миски горели красным, в довершение картины за спиной существа хлопали два огромных кожистых крыла. По виду – как у летучей мыши, а размерами – как парус на морском ушкуе. Существо громогласно порывивало, воняя, как нужный чулан, и, похоже, собиралось дохнуть огнём. По крайней мере, искры из его пасти сыпались, правда, пламени не было. То ли горючего не хватало, то ли ещё чего... На мужиков чудовище обращало внимания немного, совсем чуток. Лишь зыркало в их сторону глазами да, клацая клыками, пару раз сделало движение, как будто собиралось на них броситься с целью кем-нибудь закусить.

Бойцы, не выдержав, всё же разок-другой-третий пальнули из пищалей, но чудовище в ответ лишь ревели, а может, так оно смеялось – кто ж его разберёт, бессловесное-то! Вася и Докука смотрели на эту картину, разинув рты и не зная, что делать. А Киря, глянув в окно, выскочил на улицу и побежал к чудовищу:

– Ах ты, мерзавец этакий! А ну быстро обратно превратился, а то опять тиранить начну! Он уже поднял над головой руку, собираясь сделать какой-то магический жест, как существо тряхнуло головой, мелко-мелко задрожало и съёжилось до размеров обычного человека. И вот – нет уже ужасного монстра, а стоит на Простомировом подворье тот самый Зелёный Дядька, который кружил по лесу отряд Докуки, а потом терпел от Кири побои. Он испуганно заморгал и проблеял дрожащим голоском:

– Киря, я же опять пошутил. Не надо про моргалы!

– Нет уж. Сам виноват, будешь знать в следующий раз. Чтоб ты...

– Остынь, Киря, – вступился за нечисть Простомир, – пошутил он. Я вижу. Мне понравилось. Смешно ведь.

Бойцы во дворе не разделяли мнения Простомира. Они переминались с ноги на ногу и с опаской поглядывали на Лешего. Оружие пока не прятали. На всякий случай – мало ли что...

Киря сердито глядел на Зелёного Дядьку, а тот стоял скромненько, даже взор потупил – ни дать ни взять, красна девица. Знал ведь, знал лесной хулиган, что не надо Кирию сердить. А то ведь он и сам, своей волей, без Простомирова одобрения накажет. Поймает как-нибудь в лесу и припомнит все его безобразия. А память у него – не приведи господь. Долгая.

– Ты почто так проказишь? – добродушно спросил Простомир Лешего. – Тогда, в лесу, да и сейчас?

А тот и воспрял духом. Видит – волхв не серчает, можно и подерзнуть. В меру, конечно.

– На то и шука в речке, чтобы карась не дремал.

– Верно говоришь. А знаешь про то, что на чужой каравай рта не разевай? – бодро начал Простомир.

– Ешь пироги, а хлеб вперед береги! А ещё – бойкий скачет, а смиренный плачет.

– Так ведь не забывай: жизнь висит на нитке, а думает о прибыли. Хотя ты – нечисть бессмертная, конечно...

– Ищи себе прибыли, а другому не желай гибели!

– Маленькая рыбка лучше большого таракана, – уже неуверенно ответил Простомир. – Или ещё: а дело бывало – и коза волка съедала.

Леший засмеялся:

– Не в лад, не в лад, поцелуй собачий зад!

– Но-но! – построжал Простомир. – Забыл, с кем разговариваешь?

Но Леший уже разошёлся:

– Молодец для овец, для коров не здоров. На других умен, на себя глуп. На час ума не стало, а навек в дураки попал. Осла знать по ушам, медведя по когтям, а дурака по речам. А ещё – кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заводятся.

– Если уж про кошек разговор зашёл, – спокойно сказал Простомир, – то помни и о том, что – знай, кошка, свое лукошко! Всё. Приём закончен. Киря, проводи гостя, а то, чаю, он сам дорогу до порога не найдёт.

Обрадованный Киря схватил дубину и кинулся провожать Зелёного Дядьку до порога – ну то есть до края поляны. Но тот, видя такое дело, показал завидную прыть. Не успел Киря сделать и трёх шагов, как Зелёный Дядька уже был у самого леса и пропал в лесу, как карась в пруду – не найти и следа, только ветки дрожат. Простомир, а следом Докука и Вася засмеялись.

– С Лешим поговорками лучше не спорить, – сказал волхв, – знает их уйму. Ничего не забывает, а наоборот, новые ищет. Бывает, знающего человека нарочно закружит в лесу и отпускает только после того, как он новую, неизвестную поговорку расскажет. Или сам придумает. Некоторые этой лешаковой страстью пользуются. Обещают новые поговорки рассказать, а он им помогает в охотничьем или лесорубном деле.

– А если обманут?

– Не обманут. Леший злопамятен. Раз его обдуришь, потом никакой удачи не будет. В трёх соснах заблудишься. Или поедешь в Тверь, а попадешь за дверь. Да мало ли что он придумать может. Говорю же – злопамятен.

Простомир задумчиво и внимательно посмотрел на Кирию:

– Думалось мне, не ученик ты, а так, балбес балбесом. Но, видно, коль бывает, что порой ухваты да оглобли хороводы водят, так и случилось, что такой бесталанный кое-что усвоил. Редко, да бывает... А Зелёный Дядька кружил вас по недомыслию и самовольству. Правильно ты, Кирилл, его проучил, молодец. Теперь долго помнить будет. Ты теперь над ним власть имеешь.

Кирия от похвалы расцвёл, словно тюльпан майским днём. Ещё бы: столько лет – одни побои да ругань, а тут оказывается, что кое-чему научился всё же.

– Ладно, с этим разобрались, – продолжил Простомир, – теперь я хочу, ой как сильно хочу поговорить с тобой, Вася Зуб. Расскажи-ка мне подробно о своих делах там, откуда пришёл. Про предков своих расскажи, про кого знаешь. Надо мне.

Вася и начал – про своё агентство «Дебри пиара», про стремительный карьерный рост и про неудачную волчью охоту. Про предков своих до четвёртого колена (больше он не знал). Простомир слушал внимательно, не перебивая, даже когда Вася повторялся. Наконец он закончил.

– Это хорошо, – сказал Простомир, – что ты хоть до четвёртого колена своих предков знаешь, многим и того не известно. А знаешь ли ты, кем был твой пращур по отцовской линии в пятом колене?

Вася, конечно же, этого не знал:

– Знаю, что прапрапрадед мой родом откуда-то из Белоруссии. Больше ничего – ни кем был, ни чем занимался, ничего не знаю. Даже имя не знаю.

– Так вот, слушай меня, Вася, внимательно, и не говори, что не слышал. Пращура твоего белорусского я хорошо знал, друзья мы с ним были. Потому я тебя и выбрал. Звали его, как и тебя – Вася, по-белорусски – Василь. Васёк, стало быть, Полищук. Из Полесья то есть. Знакомы были мы с ним много-много лет. Как бы не соврать, ещё с Илионского сидения. Да не вылупляй ты глаза, Вася. Волхвом был твой пращур. Таким же, как и я. И годов ему было, как и мне. Эх, помню как сейчас: ахеец этот, Ахилка, мечом своим размахивает, всех, кричит, порешу! А Васёк Полищук бац из лука – и перебил ему жилу на ноге. Тот и шлёпнулся со скалы, разбился. Он ведь на скалу залез, Ахилка-то. Гордый очень был потому что. Потом говорили, что это Аполлон Ахилку подстрелил, бог такой у ахейцев, но это брехня. Правда, мы потом всё равно не победили. Очень уж сильны были ахейцы тогда.

Простомир мечтательно уставился в потолок, заново переживая дела давно минувших дней.

– Я тебе, Вася, мог бы ещё про деяния твоего пращура много рассказать, да времени нету. Мы с ним потом ещё при острове Саламине очень так бодро выступили. И на Тразименском озере латинян в капусту крошили... А позже Царьград от персияков защищали. И в учении вместе с ним были. Пифагор, Виридовикс-друид, Герберт Орильякский. Да ладно, чего там вспоминать... Чего смотришь так пытливо? Узнать хочешь – жив ли? Умер он. Через бабу сгорел. Нам ведь, волхвам, нельзя семью заводить. Как женишься, всё, пропал. Нет тебе ни долголетия, ни дара волхвовского. А он как увидел в своём Полесье эту, как её... кудесницу леса. Так сразу и закричал – женюсь, мол. И женился. Потом детишки пошли, прапрадед твой народился. Эх, какой кудесник был!!! Такие вот дела, Вася Зуб.

Вася слушал Простомира, разинув рот. Было, конечно, лестно слышать такое о своём прапрапрадеде. Но какая-то мысль глодала его, не давала покоя. Что-то в повествовании Простомира было не до конца понятным, хотелось задать ему для уточнения вопрос, а какой именно – Вася понять не мог. Он прокручивал в мозгу весь Простомиров рассказ, пытаюсь понять –

чего в нём не хватает. Наконец в голове всплыло: «...потому я тебя и выбрал...» то есть как это – выбрал? Получается, Простомир, который называет себя другом Васиного прадеда, причастен к его, Васи, появлению в этом мире? К тому, что он чуть не утонул в бочажке, продрог как собака, а потом очутился в этом чужом мире, получил в ухо и теперь занимается делом с неясными перспективами и последствиями???

– Знаешь ли ты, старый хрен, что я в молодости боксом занимался? – спокойно спросил Вася. – Даже первенство Питера выигрывал. Левый крюк у меня особенный, даже в профессионалы предлагали перейти.

Нервный импульс уже вышел из Васиного мозга и начал путешествие к мышцам левой руки, сжимая её в кулак и немного отводя назад для более верного удара. Но удара не случилось. Васе вдруг стало так хорошо, так спокойно, что и бить никого не хотелось. Даже в сон стало клонить. А Простомир насмешливо смотрел на несостоявшегося боксёра.

– Знаю я твои руки-крюки. Сиди уж. Знаю, что тяжело тебе, а здешним – легко, что ли? Помоги, Докука тебя наградит щедро. Наградишь ведь? – обратился он к боярину.

Михайло Докука послушно затряс головой.

– Вот видишь, он согласен. А тебя я выбрал потому, что ты – лучший в своём деле, потому, что ты – правнук моего друга. А яблоко от яблони всё же недалеко падает, что бы там ни говорили. Правда, испаскудился ты там, у себя. За злато на неправое дело шёл, воругам да душегубцам помогал. Так?

Вася молчал. Чего уж тут говорить – так. Было дело. А как ему, делу этому, не быть, коль работа такая? Ему платят деньги, и неплохие, а он делает своё дело. Он простой наёмный работник. Как токарь на заводе, официант в ресторане или учитель в школе. А то, что в клиентах у него в основном жулики ходят – так где ж других набрать-то, честных, но богатых? Так уж повелось, что богатыми как раз жулики и бывают. Исключения крайне редки. Как говорят американцы – только бизнес, ничего личного!

– Да это ничего, – продолжал между тем Простомир, – корни в тебе здоровые. Дело поправимо. Думаешь, легко было тебя к нам направить? Сначала волков наплодить да заставить их сожрать всё вокруг. Да тебе неисправную винтовку подсунуть. Думаешь, много за океаном оружейники неисправного оружия выпускают? Может, этот «винчестер» – единственный такой. Легко ли в нужный момент тебя в темпорально-топологический контур запихать, а потом по лесу тебя кружить да в нужное время на Докукиных молодцев вывести? Они ведь там ненадолго остановились. Ещё бы полчаса – и ушли бы, а ты слонялся бы по лесу и неизвестно на кого бы попал. Вышел бы на кого другого – тебя бы в самом деле куда-нибудь на Соловки закатали – обитель строить, и не поглядели бы, какой ты умный.

Увидев, что Вася совсем скис, он замолчал и отправил всех спать, заявив, что все дела будет делать завтра... Наутро он имел долгий разговор с Васей. Но уже не о причинах и способе появления его в этом мире, а о деталях предстоящей спецоперации для устранения врагов Докуки с политической арены Новограда. Разговора никто не слышал: Простомир выстроил вокруг них глухую магическую стену – ни один звук оттуда не доносился. По окончании разговора волхв тут же отправил гостей обратно, заявив, что в этом деле Васю должны слушаться все, даже Докука. И вопросов лишних не задавать... С тем и уехали.

Обратная дорога прошла без приключений, и до Новограда добрались задолго до вечера. То ли кони так резво бежали, то ли Зелёный Дядька помогал, искупая безобразное своё поведение. Известно ведь: Леший может человека неделю вокруг родной деревни кружить, а может и помочь, дорогу спрямить. Это уж кому как.

В Новограде Вася не стал откладывать дела в долгий ящик и сразу же стал пытаться Докуку – есть ли среди Аскольдова окружения свой человек. Вася справедливо рассудил: если враги послали к Докуке своих осведомителей, то и Докука вполне мог отправить своих в терема вра-

гов. Как Вася и ожидал, такие люди имелись и среди Аскольдовой дворни, и у Филиппа. Засланец в лагерь самостийников Васю пока не интересовал, а вот тот, кто тёрся возле Аскольда, заинтересовал даже очень. И действительно, личность шпиона и способ его внедрения были очень даже интересны.

Михайло Докука давно подумывал, что надо бы иметь осведомителей о делах своих врагов. А кого отправить? Перекупать слуг – дорого и ненадёжно. Предавший один раз предаст всегда. Подкинуть ему полезного человека из своих, новоградцев? Так ведь тут все на виду, и сразу ясно, кто чем дышит, кто за кого стоит. Стало быть – надо чужака, кого никто не знает. А где ж его взять? Вот и отправил Докука своего самого верного, самого хитрого своего слугу Кирю Упал Отжался в Москву – шпиона искать. Москали ведь – известные прощелыги. Нашёлся в Москве некий дьячок, тяжко переживавший своё бедственное положение звонаря небольшой церквушки. Ни тебе денег, ни почёта. С ним-то и сговорился Докукин гонец. За денежку немалую и обещания ещё больше. Был тот дьячок умён, хитёр и словоблуден до умопомрачения. Знал он несколько языков, и хвалился, что как-то раз даже приезжих купцов-жидов обсчитал на базаре. После заявление, конечно, было сомнительным, ведь обсчитать жидов – это примерно то же самое, что и утопить водяного. То есть вроде бы и можно, но никто этого не делал.

Должен был явиться этот дьячок в Новоград под чужим именем да под чужим званием и втереться в доверие к боярину Аскольду. А как втереться – о том Докука с Кирей уже договорились. Побрил Киря ушлого дьячка налысо, даже бороду сбрил, не пожалел. Объяснил, как себя вести, как докладывать Докуке о настроении Аскольдовом. И укатил в Новоград – готовиться к встрече... Вскоре разнеслась по Господину Великому Новограду весть, что едет сюда великий целитель – ученик ещё более великих Асклепия, Галена, Авиценны, Гиппократы и даже самих (вот это да!) Святослава Фёдорова с Доктором Илизаровым! Лечит этот целитель всё – хоть запор, хоть понос, хоть энурез, хоть педикулёз, хоть бесплодие, хоть рукоблудие.

А молва сия не зря была Докукой (им конечно, кем же ещё?) пущена по Новограду. Знал ведь, знал старый лис, что одолевают Аскольда хвори многочисленные. И его самого, и супругу его тоже. Пытался тот нанять ганзейского лекаря, да только у немцев – вот беда! – каждый лекарь только по своей части мастер. Ну то есть, если научили его лечить левое ухо, к правому он даже не притронется: «Ихь шмале шпециалист! Рехьт ухо – дас ист нихьт майн компетенц. Ихь знать всё про ничто!» Надо сказать, что левые уши тот лекарь пользовал очень даже хорошо. А вот правые или, скажем, животы – вообще никак. Помучился-помучился Аскольд: к Простомуиру за помощью обращаться – не с руки – ещё владыка проклянёт! Да и чего говорить – просто страшно, тот ведь в друзьях у Докуки ходит. Подсыплет какую-нибудь травку – будешь всю жизнь в нужном чулане сидеть. Нет, мы пойдём другим путём! Поэтому и известие о скором прибытии в Новоград такого именитого лекаря мимо ушей Аскольдовых не прошло....

...И ещё говорила молва, помимо всяких-разных порошков-микстур-бальзамов есть у лекаря волшебные иголки из самого что ни на есть червонного золота. Говорили, что выкованы они заморскими горными лешаками из зуба сатаны в ночь перед Рождеством дубинами из бес-дерева вместо молотов и на чёртовом камне вместо наковальни. Никто, правда, не знал, что это за дерево и камень такие и, вообще, – существуют ли они на белом свете? Но звучало сие очень грозно, а потому и доверие внушало. И хоть никто не верил, что иголками этими лечить можно (эва, нашли дураков!), золотые иголки очень сильно заинтересовали кое-кого из ушкуйной слободы. А так как никто не знал, когда появится лекарь (а откуда, известно было – из Москвы конечно же; все беды и все пряники оттуда), то выслала ушкуйная братия свою делегацию по встрече вёрст за пятьдесят по Московскому тракту – перехватить знахаря да отнять еретические иголки, дабы не смущал честных христиан. Ушкуйникам они больше пригодятся, чем московскому лекарю. Но опоздала вольница: навстречу попался, пыля копытами, большой конный отряд вооружённой дворни боярина Аскольда. Помимо прочих, тут же скакал (впро-

чем, скакал – слишком сильно сказано) на самой смиренной лошадке и знаменитый лекарь. Его с почётом встретили в придорожном шинке и пригласили (настоятельно пригласили) к боярину Аскольду, поелику тот спиной хвор – порой так прихватит, что ни согнуться, ни разогнуться. И не только спиной он хвор. Да и боярыня его животом вельми скорбна – дёрнуло же дуру поругаться с самим Простомиром! А ежели ведун пожелает и чёрных людей пользоваться – тому Аскольд противиться не будет. Был бы толк!

Вступать в схватку с Аскольдовыми головорезами ушкуйники не стали – слишком неравны силы, да и все знали – неумелых бойцов боярин не держит. Так и прибыл дьячок в самое логово Аскольда под именем Пунима-Тинджол. Мол, в Беловодье, в заоблачных горах, где он в учении был, так нарекли. Его, конечно, ни боярин, ни дворня так не звали (ещё чего – язык сломаешь), а нарекли просто, по-новоградски, Пашкой. Он был не против, на новое имя откликнулся исправно. Тем более что при крещении именно это имя и получил. Жил Пуним-Пашка в боярском тереме в отдельной каморке, кушал почти что с боярского стола и жалованье получал изрядно. Как и было уговорено с посланцем Докуки, прогулявшись в первые дни после прибытия по Новограду, приволок с собой безродную дворнягу, стал прикармливать. Собачонка бегала туда-сюда, внимания на неё никто не обращал. С ней и передавал Пашка доклады Докуке. Пришпилит записку под мохнатое брюхо и выкинет из каморки. А пёсик своё дело знает: бегом в знакомый терем! Там отчёт снимут, если надо – новое задание пришпилят, так и сносились. Ему (шпиону, конечно, а не пёсику) и у Докуки жалованье капало. Чем не жисть? Ласковый теля, как говорится...

Но Пашка-то – мастер! Мало того, что шустрый и ловкий, ещё и по-взаправдашнему наловчился людей лечить. Аскольда живо поставил на ноги, супружницу его напоил таким крепким отваром коры дуба, что медвежьей болезнью та больше не страдала. Скорее наоборот. Да и дворня к нему потянулась: кому зуб заговорить, кому лишай свести. И все были Пашкой довольны: глянет, сверкнёт очами, потом руками над хворым помашет, пошепчет что-то, ещё и бальзамом болячку намажет или микстуру даст выпить – у кого что болит. И всё – хвори как не бывало!.. Эх, не в то время и не в том месте родился Пашка! А не то писали бы о нём на бумажных листах ровными буквами, какими ни один писарь не напишет, или говорили бы по волшебному ящику с одной стеклянной стенкой: «Волхв в семнадцатом поколении, Великий Адепт девятого посвящения, с лазерными лучами вместо глаз, владеет чёрной, белой и серой магиями, а для тех, кто любит погорячее – магия голубая. Вылечу, заговорю, сниму, исправлю. Вход бесплатный, выход – сто баксов. Налетай, подешевело!»

И вот, вернулся как-то пёсик от Докуки – а там задание – нужна срочно шапка Аскольдова, или какая другая одежда, или след от сапога. Поскучнел Пашка разом: смекнул, что речь о колдовстве идёт. А за такое дело не то что кнута попробовать, это ещё полбеды. За колдовство в кипятке варят да живьём в землю закапывают. Но делать нечего: не в том ты, Паша, положении, чтобы привередничать. Знал, на что подписывался. И денежки тебе платят немалые, да и исправно. Так что не ерепенсья, мил человек!

Подобрал Пашка брошенную Аскольдову шапку (боярин был очень неаккуратен), спрятал за пазуху. Дворовому холопу, что стоял у ворот на страже, небрежно бросил – мол, если боярин спросит, я на торжище, там ладья недавно пришла басурманская. Гляну, нет ли каких снадобий по моей лекарской части из стран полуденных. И ушёл.

Новоградский торжище – всем торжищам торжище. Кого там только нет! Вон голландские немцы торгуют солёной селёдкой и бархатом. Немцы ганзейские – оружием и всякими механическими премудростями, поляки – дорогим платьём. Булгары волжские – сёдлами, конской упряжью да кожаными сапогами. Помалу здесь не торгуют. Соль – мешками, мёд, вино – бочками. Здесь есть всё. Иной мещанин зайдёт сюда просто – поглазеть, да приглянется какая-то вещь, даже названия которой не знает. И всё – без покупки не уйдёт. Была на торжище и

такая лавка, где торговали разной мелочью. Тут и старые шкатулки, и ношенные сапоги. Рядом – отрезки дорогой ткани или самоцветы сарацинские. Народу здесь всегда много, за всем и не уследишь. Держал лавку какой-то небогатый купчишка без роду без племени, никому не известный. Если б могли покупатели узнать самое недавнее прошлое этого купца, они сильно удивились бы, увидев его нищим на паперти заштатной церквушки в литовском захолустье. Вытащил его оттуда Докука, пригрел и велел торговать в Новограде под своим именем. Казалось бы – зачем ему это? А затем, что через купчишку этого наловчился Докука лихо уходить от ушлых новоградских мытарей, готовых, по его мнению, за пошлины и налоги последнюю копейку вытрясти. Нет, в казну новоградскую Докука давал много. Да только мытари хотели ещё больше. Хотя ладно – не об этом сейчас речь.

Вот через этого купчишку и велено было Пашке передать какую-нибудь Аскольдову вещь. Эх, знал бы он, по какой острой кромке сейчас пройдёт, ни за что бы не пошёл в лавку!.. Как и велено было, под видом привередливого покупателя отозвал хозяина в дальний конец лавки, там и передал ему шапку. Кто же знал, кто ведал, что тут же, рядом, ковырялся в товаре Аскольдов портной – искал дорогие и красивые ткани. Глянул он – интересно, лекарь боярский что-то купцу суёт, вроде шапку. Да ладно, это его дело. Мало ли, кто чем торгует. Может, ему боярской платы не хватает!.. Это бы ничего, да случилось так, что через недельку глазастый портной, снова посетив приглянувшуюся ему лавку, углядел, что имеет нищий купчишка обстоятельную и дружескую беседу с самим Михайло Докукой. И Докука вроде как даёт купчишке какие-то указания или советы. Тут репу почешешь!

А Пашка между тем, уверенный, что никто его не заметил, зашёл в лавку, где торговали сарацинским товаром, купил нездешней травки кус-кус, коя, как известно, от зубной боли – первое дело, и вернулся в боярский терем.

А шапка Аскольдова в тот же вечер оказалась у Докуки и утром была отправлена Простомиру. Повёз её, как и велел волшебник, Вася Зуб, а сопровождали его, как и положено, верные Федя Пасть Порву и Киря Упал Отжался... Дорога на этот раз была без приключений, только Киря порой, усмехаясь, что-то с хамской улыбочкой на лице кричал в лес на нечеловечьем языке, а в лесу оскорблённо посвистывали и поухивали неизвестные голоса. Но никто не выходил и никаких гадостей не делал. Слава о Кире – победителе Зелёного Дядьки разнеслась по самым захолустным чащобам, и связываться с ним лесные жители не торопились.

Простомир шапке обрадовался, довольно заурчал и уволок её сразу к себе в избушку, велел гостям ждать на улице. Он так торопился, что даже не огрел привычно Кирию дубиной... Отсутствовал он недолго, а вернувшись, велел Кире и Феде ночевать во дворе, а Васю пригласил в дом.

– Слушай меня, сынок. Всё будет, как я сказал. Я уж постараюсь. Но и вы постарайтесь. Как узнаете, что я всё сделал, как уговорились, сразу народ подымайте. Ну, не мне тебя учить, ты ведь в этом деле дока. Смотри, не подкачай. Если Аскольдушка оправдаться успеет, не сносить вам головы, ой не сносить. Сразу всё откроется, а на расправу люд новоградский ох как скор! До меня им, конечно, не дотянуться, а вы будьте в опаске. Если что – тикайте сразу. Ну, шучу, шучу. Никуда тикать не надо будет. Споровим мы с тобой всё ладно. Значит, через семь дней перед обедом?

– Да, мы с Докукой так рассчитали. Через семь дней на обедне сам владыка Пафнутий молебен будет служить по поводу давнишней победы над ливонцами. Там все именитые бояре соберутся и многие из простых.

– Вот и славненько. Делайте своё дело, а я сделаю своё.

На том и порешили. Переночевали у Простомира, а утречком тронулись в обратный путь. Семь дней до назначенного времени пролетели незаметно. В условленный день на обедню

по случаю давней победы над ливонцами Софийский собор был набит битком. На почётных местах стояли самые именитые бояре, были там и Михайло Докука, и Филипп Соловей, и боярин Аскольд. Заклятые враги, едва кивнув при встрече, в дальнейшем как будто не замечали друг друга. Владыка Пафнутий начал службу. Всё шло своим чередом, ничто не нарушало старинный, прадедами заведённый порядок. Служка размахивал кадиллом, трещали свечи, голосили певчие, паства привычно ковырялась в носу, дожидаясь окончания службы... Внезапно в церковь, словно пьяный в трактир, вломился здоровенный мужичина с вымазанным сажей лицом и завыл:

– Ратуйте, православные! Боярин Аскольд... Что вытворяет... только что в кузнечной слободе!

Все с удивлением обернулись на крикуна, а тот продолжал скулить:

– Налетел, как вихрь, говорит, мол, меня кричите на посадника, я вас в обиду не дам! А у самого конь как сатана – чёрный, глаза горят. Да и сам боярин не лучше. Да ладно бы глаза только горят, стал он ещё по дворам скакать, заборы сшибать. Углежога Алёшку в колодез кинул, тот еле выбрался. Спасите, православные, не дайте пропасть от дури боярской!

– Что ты мелешь, – взревел Аскольд, – тут я стою, давно уже, не было меня в кузнечной слободе!

Детина изумлённо вылупил на боярина глаза, закричал:

– Да как же так, православные! И тут – Аскольд, и там – Аскольд!

И тут побелел, как свежая холстина, и стал часто креститься, приговаривая «чур меня, чур». И выбежал из церкви.

– То есть как это – и там он, и здесь? – послышались громкие голоса из толпы, где стояли простые новоградцы, – надо бы разобраться, что за дела творятся в Новограде!

А образованный дьячок Авенир сказал:

– Фантом. Без колдовства не обошлось, это точно.

По церкви прошёл ропот, владыку уже никто не слушал. Аскольд, почуввав, что пахнет жареным, стал пробиваться к выходу, расталкивая толпу локтями. Его близкие и дворня помогали протиснуться между людьми. Наконец выбрались на улицу. Аскольд прыг в повозку и – домой. Авось, побуянит люд новоградский да успокоится. А там – браги полные бочки выкачать, да выпить с людишками по-немецки – на брудершафт. То есть на братство. А потом уж разберёмся, кто там по слободам под его видом народ баламутит...

Но нет, не для того Докука с таким трудом подсунул ему Пашку-лекаря, не для того с великой опаской привлёк к делу Простомира, чтобы вот так всё – пшиком, словно сырой порох – и закончилось. И вот пошли по улицам, церквам да торговым рядам Докукины молодцы, крича: «Колдовство! Аскольд с нечистым знается!». Забурлил утихнувший было люд, закричал: «Пошли к боярину, спросим, что за дела!» И подоспела ушкуйная братия, почуввав разбой безнаказанный, подошли молодцы подзаборные с засапожными ножами, кои в иное тёмное время на улицах воровством промышляли. Собралась толпа немалая у терема боярского...

А что у Аскольда? А у Аскольда дело было так. Вспомнил-таки портной боярский, как видел в той лавке лекаря боярского – иноземца Пашку и как в ту же лавку хаживал и с тем же купчинкой беседовал Докука. Рассказал всё боярину. Побледнел Аскольд, всё сразу понял, и куда шапка его подевалась – тоже понял: скорый ум был у него, ой какой скорый. Пожалел горько, что недооценил коварство Докуки. Ай-яй-яй! Надо же так опростоволоситься! Но... не всё ещё потеряно. Велел привести лекаря. Эх, не понял Пашка вовремя, когда настанет час бежать из боярского терема, не понял. И вот – стоит перед грозным хозяином своим:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.